

Сибирь и Москва. Сибирь и Россия
кн. I 1875 г. № 12.

Близъ тундры.

(Очерки глухого края).

(Окончаніе).

V.

Остановка. Я заблудился.

Уже пять дней плыли мы, исколесивъ водными изгибами не малое число верстъ, два или три раза протащивъ на рукахъ лодки черезъ попадавшіеся волокы, и—чѣмъ далѣе подвигались впередъ, тѣмъ безпривѣтнѣе и глуше становилось вокругъ... Пустыня, ширь кругомъ—глазомъ не окинешь. И рѣка и лѣсъ, и далекія горы, и потерявшійся въ воздухѣ дымъ отъ какого-то одинакаго лѣснаго жилья—все это, вмѣстѣ съ сѣрой погодой, съ дождемъ изъ «сито» — *чичеромъ* по зырянски,—наводило на меня страшную тоску и уныніе. Всего страшнѣе, всего тяжелѣе ложилось на меня—эта глубокая тишь. Ъдешь и напряженно прислушиваешься — не раздастся ли пѣсня, взмахъ весла, — ничего нѣтъ! Ни звука, ни всплеска—ничего! Ни лодки, ни стружки—на встрѣчу! Только корни и деревья, вырванные ураганомъ, плывутъ на встрѣчу, поднимая кверху свои обнаженныя, черныя вѣтви... И если бы порой не проносились надъ головою, со свистомъ разсѣкая воздухъ, стада куликовъ, не трещали дрозды, можно бы было подумать, что Ѫдешь по мертвому царству...

Осеннее утро только что начиналось... Съ вечера, часовъ такъ съ семи, погода уже немного «красилась»,—небо нѣсколько очистилось отъ облаковъ и вѣтеръ смолкъ, приостановивъ свое томительно-тоскливое гудѣніе. Утро, противъ всѣхъ предъидущихъ, было, можно сказать, чудное. Проснувшись отъ сильнаго толчка вслѣдствіе того, что лодка ударилась о какой-то выступъ берега, — я приподнялся съ груди постилокъ и протеръ глаза. Мы подъѣзжали къ высокому выступу берега, на которомъ, въ какихъ-нибудь саженьяхъ шести—семи отъ воды,—начинался лѣсъ. Свистъ и шумъ раздавались со всѣхъ сторонъ, какъ-будто самъ воздухъ заливался на разные тоны. Этотъ шумъ и свистъ становились все громче и громче, все оглушительнѣе и разнообразнѣе.

Начали вставать, пробуждаться и другіе (насъ ѣхало въ лодкѣ 8 человекъ)—и послышалось уже заявленіе, что не худо бы остановиться, развести огонь и позакусить хорошенько. Такія остановки мы дѣлали каждый день, — и больше всего къ вечеру, когда ѣхать — становилось менѣе удобно. Но теперь мы ѣхали всю ночь, потому что на всемъ пути отъ прошлой стоянки не было ни одного пункта, удобнаго для отдыха.

— Пэдеръ ¹⁾, чего жъ ты? — крикнулъ мой сосѣдь, — Сodayъ, рослый зырянинъ, охотничья знаменитость въ своемъ околodкѣ.

— Чего? флегматично отвѣтилъ Пэдеръ — продолжая ровно и тихо работать веслами.

— Тебѣ говорить — приставать надо!

— Я жъ развѣ вижу? у меня нѣтъ на затылкѣ глазъ, — отвѣчалъ Пэдеръ тѣмъ же хладнокровнымъ тономъ. — Пусть Кузь править: его дѣло.

Кузь сидѣлъ въ кормѣ.

¹⁾ Федоръ.

— Эй, Кузь, — слышишь? присталь теперь Содьякъ къ нему: держи къ берегу!

— Ишь его какъ разобрало! видно кишки подвело? процѣдилъ Кузь—и направилъ лодку къ тому самому мѣсту, гдѣ возвышался пригорокъ, обросшій съ краевъ курчавыми кустиками. За нашей лодкой повернули и другія.

Собаки первыя выскочили изъ лодокъ и, обрадованныя, что онѣ опять на сушѣ, что кончился хотя не надолго кусъ неподвижнаго сидѣнья,—начали бѣгать по берегу, догонять и хватать другъ-друга, визжать, кататься по землѣ...

— Ишь какіе козлы съ радости строятъ! замѣтилъ, улыбаясь, одинъ охотникъ.

— Еще бы! отвѣтилъ другой: — животное къ бѣгу привыкло, а тутъ цѣлыя сутки сидѣть — не шутка!

Заговоривши о собакахъ, — я позволю теперь ужъ за одно познакомить читателей съ этимъ животнымъ — другомъ и вѣрнымъ, полезнымъ товарищемъ-помощникомъ зырянскаго охотника; прежде всего, разумѣется, о внѣшнемъ видѣ, наружности зырянской собаки. Острогонечная морда, тонкія ноги, стоячія уши, иногда длинная шерсть, гладкая, лоснящаяся и пушистый хвостъ—вотъ отличительныя черты зырянской собаки. Цвѣта бываетъ она большею частію чернаго,—изрѣдка встрѣчаются собаки и пѣгія. Но это, впрочемъ, очень рѣдкое исключеніе. Зырянская собака—животное чрезвычайно умное, смѣлое, нерѣдко нападающее даже на медвѣдя, — не знаетъ совсѣмъ той дрессировки, которой подвергаются собаки нашихъ городскихъ любителей-охотниковъ.

— Выучку? спрашиваютъ зыряне: зачѣмъ выучка! и такъ она (собака) будетъ знать свое дѣло.

Вся выучка зырянской собаки состоитъ въ «*натаскъ*», — это значитъ то, что молодая собака берется въ лѣсъ вмѣстѣ со старой—и здѣсь, безъ всякой хитрой и мучительной дрессировки, — превосходно изучаетъ свое дѣло.

Зыряне совершенно правы, когда говорятъ:

— Примѣръ всего лучше: никакая выучка его не стоитъ; возьми ты «умѣлку» ¹⁾ — и возьми ту, которую хочешь выучить: «умѣлка» — какъ разъ ее своему дѣлу наставить.

Но многія собаки и безъ всякой помощи хозяина приучаются къ своему дѣлу. Это случается часто въ тѣхъ селеніяхъ, которыя лежатъ близъ лѣса. Въ лѣтнее время, рыжая бѣлка любитъ держаться на опушкѣ, прыгать по огородамъ, цѣпляться по крышамъ овиновъ и сараевъ. Здѣсь-то и выслѣживаютъ, сперва на глазъ, потомъ чутьемъ, молодыя собаки проворнаго звѣрька, — и приучаются къ охотѣ на него гораздо ранѣе того времени, когда дѣйствительно нападутъ съ хозяиномъ въ лѣсованье. Ребятишки, съ палками въ рукахъ, а иногда и съ луками и подареннымъ ружьемъ, — бѣгаютъ лѣтомъ вблизи деревень, и собаки обыкновенно всегда сопутствуютъ имъ въ этихъ экспедиціяхъ.

Зырянинъ глубоко любитъ свою собаку, дорожитъ ею и гордится, если она стяжала себѣ извѣстность, какъ ловкая, хорошая «умѣлка».

«Хорошая собака — честь охотнику», — говорятъ обыкновенно зыряне.

И нельзя не любить зырянину своей собаки. Безъ нея онъ — какъ безъ рукъ. Она вѣрный его слуга на охотѣ, защитникъ дома и дорогой. Можно привести сотни примѣровъ, когда собака спасала охотника отъ смерти, или помогая ему выбраться изъ совсѣмъ неизвѣстнаго мѣста, или защищая отъ нападений звѣря, даже и другого человѣка... Въ надлежащемъ мѣстѣ очерка — мы еще вернемся къ четвероногому другу зырянина, — а теперь будемъ продолжать свой рассказъ, остановившись на томъ, что лодки подъѣхали къ берегу.

Сложивъ весла на лавочки лодокъ и привязавши самыя лодки бичевками къ кустарнику, всѣ начали выходить на

¹⁾ «Умѣлка» — опытная, старая собака.

берегъ, пересмотрѣвши однако свои ружья и тихо промолвивъ, наклонясь къ самому дулу: «ружьецо, смертодавчикъ, догоняло сердечный, не выдай!» Суевѣрные зыряне придаютъ большое значеніе разнаго рода пришептываніямъ и наговорамъ, и подобныя слова—«ружьецо, смертодавчикъ, догоняло сердечный, не выдай»—они повторяли при каждой остановкѣ, осматривая ружья.

Когда все вышли изъ лодогъ и провизія была также вынесена, — на берегу закипѣла живо работа. Часть охотниковъ отправилась въ лѣсъ, а другая начала готовить все необходимое для обѣда. Черезъ какіе-нибудь полчаса — на берегу былъ разведенъ пожаръ, — и въ котлѣ, повѣшанномъ на воткнутомъ наискось колышкѣ, закипѣла каша, въ которую Кузь, всегда берущій на себя обязанности кашевара, не позабылъ положить «сдобеня», — т. е. масла. Свернувъ ноги калачикомъ, онъ усѣлся ближе къ котелку и помѣшивалъ въ немъ деревянной ложечкой, снимая накипѣвшую пѣну. Пэдеръ—флегматичный гребецъ нашей лодки—вооружился «носогрѣйкой»¹⁾—и, присѣвши на срубленное дерево, упорно молчалъ на все вопросы, которые дѣлалъ ему бойкій, неутомонно-словоохотливый Содьягъ. Остальные охотники размѣстились вокругъ пожара—и кто говорилъ про охоту, кто вспоминалъ домъ и семью,—а иные, покуривая, какъ и Пэдеръ, короткія носогрѣйки, тянули вполголоса неприятныя, монотонныя пѣсни своей родины, перемѣшивая свои слова съ русскими и страшно коверкая эти послѣднія. Я же помѣстился невдалекѣ отъ Чирка и подбрасывалъ мелкія дрова въ огонь, отчего пламя на нѣсколько мгновеній заглумалось, а потомъ ярко вспыхивало — и поднималось кверху длиннымъ языкомъ...

Обѣдъ прошелъ въ глубокой тишинѣ: не проронилось ни одного лишняго слова, не произнесено ни одной шутки;

¹⁾ Носогрѣйка — трубка.

даже не улыбнулся никто изъ зырянъ въ теченіе всего обѣда.

Во время нашего плаванія, съ самаго ранняго утра — мы видѣли не одно стадо летавшихъ гусей. Мы видѣли ихъ и наканунѣ и гораздо ранѣе, но пока погода была пасмурна, вереницы ихъ тянулись низко, пробираясь между вершинами деревьевъ, какъ будто выплывая изъ глубины лѣса, который тянулся по обѣимъ сторонамъ рѣки. Но съ сегодняшняго утра, когда погода прояснилась, даже выглянуло осеннее солнышко, — стаи гусей стали подыматься все выше и выше, летѣли быстрѣе и стройнѣе, — звонко оглашая воздухъ своимъ металлическимъ говоромъ... Подъ этотъ говоръ — молча и торжественно шла наша трапеза.

— Ну, братцы, сказалъ Содьягъ, — помолившись на всѣ четыре стороны и поклонившись всей компаніи: — кто хочетъ спать, отдохнуть, — тотъ ложись, — а я со «смертодавчикомъ» прогуляюсь...

— Ну, это не рука, замѣтилъ было кто-то.

— А что такъ? чего не рука?

— Да время тянуть: надо къ мѣсту скорѣй.

— Чтожъ тебѣ — часа-то два дороги очень? такъ ужъ отъ этого и дѣло сгибло!

— Каждая минута дорога, вставилъ и свое слово Кузь: на ясную погоду нечего смотрѣть. Я замѣчалъ ужъ: все хорошо и ясно, — а глядишь зима и «скрадется». Уснешь ты въ лодкѣ осенью, а встанешь зимой. Ломай тогда льдину — и ползи какъ знаешь: ни тебѣ водой, ни тебѣ на саняхъ, потому что и ледъ-то не держать.

Но Содьягъ былъ непреклоненъ.

— Нѣтъ, братцы, твердилъ онъ: погода «скрасилась», птицы густо, — пойду въ лѣсъ.

Поспорили и рѣшили: ѣхать впередъ, а Содьягъ пусть догоняетъ. Рѣка шла дугою — и Содьягъ, идя лѣсомъ напрямикъ, могъ выгадать много верстъ, и при скорой ходьбѣ

133

могъ поспѣть къ вечеру какъ разъ къ тому мѣсту, гдѣ рѣшено было остановиться на ночевку.

Мнѣ надоѣло тихое плаваніе, неподвижное сидѣніе по нѣскольку часовъ въ лодкѣ, и когда Содьякъ сталъ надѣвать ружье, — я объявилъ ему о своемъ желаніи раздѣлать охоту,

— Какъ это? вы вмѣстѣ хотите? спросилъ онъ.

— Да... а что?

Содьякъ ня минуто замялся.

— Неудобно развѣ?

— Не совсѣмъ ладно, сказалъ онъ: вы... мы — поправился онъ — мѣшать будемъ другъ другу...; а если хотите пошляться, — такъ вотъ что лучше: каждый своей тропой, а потомъ и сойдемся на опушкѣ... какъ разъ близъ ночевки.

— Хорошо и такъ, началъ было я, — но тутъ флегматичный Пэдеръ перебилъ меня.

— Ну, такъ не дѣло, — промолвилъ онъ, не выпуская изъ рта вновь закуренной трубки: Содьякъ не вы... ему что? ему всякое дерево знакомо; да и нѣтъ, такъ — опять знаетъ какъ найти дорогу. А вы что? вы въ первой разъ, да и сноровки совсѣмъ нѣтъ... развѣ такъ можно?

Но Содьякъ былъ другого мнѣнія.

— Пустое, — возразилъ онъ: зачѣмъ путаться? иди да примѣчай дорогу, а на всякъ случай я и *матку* дамъ ¹⁾). Съ ней еще поваднѣй: матка не дастъ заплутаться, матка выведетъ на дорогу.

Я былъ еще неопытенъ, сильно хотѣлось мнѣ отправиться въ лѣсъ и убить хоть какую-нибудь птицу — и я пренебрегъ совѣтами Пэдера и Меркула — и отправился.

¹⁾ Матка — это небольшой компасикъ. Устройство матки обыкновенное. Она состоитъ изъ кругленькой, маленькой коробки; за стекломъ на стержнѣ обращается магнитная стрѣлка. Сверху стрѣлки положень кружокъ съ разноцвѣтными полосками отъ центра къ окружности. Эти полоски обозначаютъ страны свѣта.

— Ну — смотри: твое дѣло, на насъ не пѣнай — недобольнымъ тономъ замѣтилъ Меркуль.

— Ничего, отвѣчалъ я. — Но если бы я зналъ, что меня ожидало, я бы, безъ сомнѣнія, не пошелъ одинъ въ незнакомый лѣсъ... Если бы не случайность — я бы могъ погибнуть совсѣмъ — умереть голодной смертью.

Сдѣлавъ шаговъ пятьдесятъ, семдесятъ — мы вошли въ «ягъ» (боръ) и разошлись по разнымъ направлѣнiямъ... Окрестность была возвышенна, суха, покрыта высокими соснами и бѣлымъ (оленьимъ) мохомъ. На сколько можно было окинуть глазомъ, во всѣ стороны представлялись безконечныя ряды прямыхъ, красноватыхъ — со всѣми оттѣнками отъ чернубураго до свѣтложелтаго цвѣта, сосенъ, съ изрѣдка, кое-гдѣ брошенными кустами вереска: только въ правую сторону отъ мѣста недавней нашей стоянки — нѣкоторое пространство было покрыто водою, — а далѣе начинался густой лѣсъ елей, свозъ который уже не могъ проникнуть глазъ, видѣвшій довольно далеко между соснами, высокими, но рѣдко растущими.

Посмотрѣвъ на «матку» — я взялъ влѣво и пошелъ твердымъ, увѣреннымъ шагомъ... Кругомъ была невозмутимая тишь, — и только мои шаги, да хрустѣнiе листьевъ и сучковъ звучно отдавались въ этой тиши. Невольно въ эту минуту вспомнились мнѣ разныя сказки, слышанныя въ дѣтствѣ... Отъ нихъ — мысль остановилась и на другихъ предметахъ, — и я весь отдался воспоминанiю дѣтства, весь ушелъ въ давно-минувшее, беззаботное, счастливое и свѣтлое... Смотря машинально по сторонамъ и не видя измѣненiя въ лѣсѣ, я шелъ не останавливаясь, пока не почувствовалъ усталости въ своихъ ногахъ. — Возвратясь къ холодной дѣйствительности, — я мгновенно остановился и оглядѣлся во кругъ. Я былъ при входѣ въ природный гротъ, — а тропинка,

которой я держался сначала, уже совершенно пропала. Назади меня была масса деревьевъ, спутавшихся своими вѣтвями, — въ лѣво небольшой проходъ и за нимъ чаща; въ право—узенькая дорожка для одного человѣка: идти по ней — но куда ведетъ она?

Я опустилъ руку въ карманъ, чтобы достать «матку», но—уввы! ея не оказалось въ карманѣ. Въ задумчивости—я, вѣроятно, выронилъ ее, — и теперь былъ въ незнакомомъ лѣсу, одинъ, безъ всякой помощи! Я зналъ, что это большой боръ, что черезъ него только двѣ тропы ведутъ краткой дорогой къ мѣсту, куда должны къ ночи пристать наши лодки; я зналъ также, что никого, кромѣ случайныхъ промышленниковъ, не живетъ въ этомъ бору... Я заблудился — и былъ совсѣмъ одинъ.

Утомленный—я сѣлъ на сваленную бурей ель и съ томительной тоской почувствовалъ полное одиночество, безвыходность обступившей меня пустыни—и свою совершенную беспомощность. У меня не было съ собой ни ломтя хлѣба, ни даже теплаго платья, такъ какъ я отправился только въ коротенькомъ драповомъ пальто. Не было также и топора, что дѣлало меня еще беспомощнѣе въ этомъ бору...

Что было мнѣ дѣлать? Я постоялъ нѣсколько минутъ на мѣстѣ, и пошелъ вправо. Но ноги положительно отказывались идти далѣе... А между тѣмъ становилось свѣжѣе, легкій вѣтерокъ заговорилъ съ листьями... Я почувствовалъ холодъ. Нужно было согрѣться. Нарубить дровъ я не могъ, Поэтому я набралъ сучьевъ и развелъ огонь. Усѣвшись на кучку упавшихъ листьевъ противъ самаго пожара — я невольно вспомнилъ въ эту минуту Робинзона Крузо — любимаго героя въ далекіе дѣтскіе годы... Но общаго впрочемъ было очень мало. Надъ моей пустыней шумѣли не деревья покрытыя разными плодами, а бесплодныя сосны... Не на ярко-чудной зелени останавливался мой взглядъ, но на песку, покрытомъ оленьимъ мохомъ. Мое положеніе было далеко не

красиво. Я чувствовал себя живымъ — въ могилѣ, изъ которой нѣту выхода.

Въ глубокомъ размышленіи, среди борьбы между надеждой и отчаяніемъ—прошло около двухъ часовъ... Начинало темнѣть, и я зналъ, что еще нѣсколько времени — и глубокой мракъ окутаетъ все собою. Если пытаться, то нужно было какъ можно скорѣе. Я быстро вскочилъ съ мѣста — и чуть не бѣгомъ бросился въ первый просвѣтъ... Не зная куда я иду, —уже стараясь даже не думать о себѣ вовсе, — я шагаль впередъ... Я шелъ по тропкѣ, сворачивалъ и вправо и влево, останавливался и опять шелъ далѣе... Наконецъ—силы окончательно истощились — голодъ начиналъ мучить... Я остановился.

А тьма уже совсѣмъ окутала окрестность, —и не успѣлъ я опуститься на землю, какъ почувствовалъ, что мелкій дождь — мочить меня... Погода снова испортилась. Мнѣ стало еще хуже, тоскливѣе... мысль о голодной смерти невольно промелькнула въ моемъ сознаніи. Дрожь пробѣжала по кожѣ—и я опустилъ безнадежно руки... Но это чувство было не долго... Вдругъ что-то успокоительное, обнадеживающее охватило меня—и я опять рѣшился идти далѣе, отдохнувъ немного для подкрѣпленія силъ. Я собралъ снова нѣсколько сучьевъ, развелъ пожогъ и легъ около него, подславъ подъ себя одну полу пальто и окутавшись другой. Шляпа замѣнила подушку.

Утомленный ходьбой—я скоро заснулъ. Но спалъ я не долго. Пробужденный отъ холода и сырости (пожогъ мой погасъ), я быстро вскочилъ—и на угадъ, не имѣя возможности руководствоваться какими бы то ни было соображеніями, — пошелъ по тропкѣ, на которой я лежалъ сейчасъ. Сдѣлавши около верстъ двухъ — трехъ, я наткнулся на какой-то шалашигъ, выстроенный на самой дорожкѣ... Слабый огонекъ показался въ крошечномъ оконцѣ, когда я стукнулъ въ дверь.

133

Я почувствовалъ страшную радость — отъ одной мысли, что я нашелъ людей, — а слѣдовательно и спасеніе...

Маленькая дверь тихонько отворилась — и угрюмый старичекъ, съ фонаремъ въ рукахъ, вышелъ изъ избушки.

— Кто это тутъ? неровнымъ голосомъ воскликнулъ онъ, быстро наводя на меня свой фонарикъ.

— Я заблудился, дѣдъ, — дороги не могу найти, отвѣчалъ я.

— Какъ заблудился? да кто ты? откуда взялся?

Я разсказалъ коротко, но, на сколько могъ, подробно все дѣло.

Онъ тихо покачалъ головой.

— И какъ это ты могъ такъ! промолвилъ онъ, помолчавши немного: ну — чтобы ты, если не попалъ бы на нашу хижину? Гдѣ бы тебѣ выйти!

— А гдѣ мы, дѣдъ?

— Гдѣ! Совсѣмъ не тамъ, гдѣ надо... Теперь ты очень далеко, и ранѣе завтрашняго полдня не попасть на мѣсто.

— Но какъ же, дѣдъ, пройти? мнѣ вѣдь не найти дороги...

— Знамо нѣтъ... Тутъ надо человѣка знакомаго... Вотъ погоди — сынъ придетъ, онъ и свезетъ тебя.

— Да на чемъ же, дѣдъ, тутъ и пройти едва можно.

— Да не на лошади, неразумный ты — человѣкъ! На лодкѣ — свезетъ... Видишь... смотри сюда...

Я посмотрѣлъ въ сторону, куда показывалъ старикъ.

— Видишь?

— Вижу... огни... что это, дѣдъ?

— А то, что это мы близъ рѣки, родной; сынъ мой съ пріятелемъ рыбу это лучать.

— А какая это рѣка?

— Та же самая, по которой ты ѣхалъ сегодня.

Въ своихъ исканіяхъ дороги — я вернулся назадъ и былъ теперь за 25 верстъ отъ того мѣста, гдѣ мы обѣдали утромъ.

— Ну, я на берегъ иду, — а ты, ежели хочешь, въ избушкѣ погрѣйся; я сейчасъ сыну скажу.

Но я отказался — и мы вмѣстѣ пошли на берегъ.

Ночь была еще темна, звѣзды завологло облаками но чуть-чуть замѣтный свѣтъ утренней зари, предвѣстникъ наступающаго утра, протянулся на востокъ узенькой, красноватой ленточкой. По рѣкѣ, въ разныхъ направленихъ, мелькали огоньки, отражаясь въ водѣ длинными мерцающими полосами; ихъ медленное движеніе — безъ звука, безъ малѣйшаго шума — среди тихой ночи, представляло изъ себя какое-то чудесное явленіе. Вотъ цѣлый снопъ яркаго пламени тихо ползеть около того берега рѣки. Свѣтъ его дрожить переливами и играетъ на водѣ, длиннымъ столбомъ бѣжитъ на другую сторону — и острыми, раскаленными иглами вонзается въ берегъ. Вдругъ — крутой поворотъ, часть огня заслонена; противъ него на одно мгновеніе — обрисовался черный силуэтъ человѣческой фигуры и снова яркій пылающій снопъ, сыплющій милліоны искръ въ черную мглу.

Старикъ крикнулъ сына — и тотъ тотчасъ же отозвался.

— Скорѣе... дѣло есть, кричалъ старикъ

— Сейчасъ, отвѣчалъ сынъ.

— Что же, вы тутъ и живете, въ этой избушкѣ? спросилъ я старика.

— Нѣту, — качнулъ онъ головою: — такъ на недѣлку пріѣдешь — и опять домой.

— Далеко?

— Домо-тъ?

— Да.

— Тутъ за «ягомъ», — версть 40 будетъ.

— А въ лѣсованье что-жь? пора вѣдь!

— Мы не ѣдемъ нонѣ: я старъ, вишь, — а сынъ боленъ былъ лѣтомъ... не поправился; вотъ и съ лучомъ-то — ему не тово бы, а куда ужъ въ «охоту»...

Старикъ замолчалъ, и, вынувъ изъ зипуна трубку, началъ набивать ее «крупной»...

Но позвольте, читатель, знаете ли вы, что за охота лучомъ? Быть можетъ найдутся и такіе, — которымъ не мѣшаетъ объяснить это, хотя бы коротко.

Для рыболовства *лучомъ* (кладется на носъ лодки желѣзная рѣшетка особаго устройства, называемая *козой* (по зырянски *кызи*). Рѣшетка эта выдается на полъяршина вперед лодки, и на эту выдающуюся часть накладывается *смолье*, т. е. сухія, мелкія смолистыя дрова, дающія очень яркое пламя, освѣщающее рѣку до самаго дна. Близъ рѣшетки становится человекъ съ *острогой* (по зырянски *озъласъ*¹⁾). Съ этимъ нехитрымъ инструментомъ ловець стоитъ неподвижно на носу лодки, которая медленно и осторожно подвигается впередъ — съ помощію одного только кормоваго весла. Яркое пламя горящаго смолья или *луча* — освѣщаетъ рѣку до самаго дна, на которомъ можно отличить каждый камешекъ, а спящая рыба въ водѣ видна отлично. Разсчитавъ основаніе и опытнымъ глазомъ опредѣливъ глубину, ловкій охотникъ безъ промаха поддвѣиваетъ рыбу на острогу.

— Что? какъ ловъ? обратился старикъ къ сыну — молодому человекъ, 22, 23 лѣтъ.

— Ничего, батюшка, — есть сегодня.

— А какъ ты — не всю билъ?

— Не всю... нечисть не трогаль.

— То-то... Богъ съ ней и съ прибылью... грѣхъ одинъ только²⁾.

¹⁾ Острога — это пяти — семипалая желѣзная вилка, насаженная на длинную, тонкую деревянную палку.

²⁾ У зырянъ есть повѣрье, что не слѣдуетъ бить ту рыбу, которая спитъ носомъ не къ берегу, а въ глубину, потому что это рыба не чиста, или, другими словами, это даже и не рыба, а просто «водяная нечисть», принявшая на себя видъ рыбы, для соблазна грѣшнаго охотника, который, если метнетъ острогой въ такую рыбу, можетъ и самъ попасть на закуску во-

— А вотъ, продолжалъ старикъ:—человѣкъ заблудился; надо ему попасть къ товарищамъ, а дороги не знаетъ,—свези-ко, братъ, его... А ужъ ты, родной, положи что-нибудь за труды... время дорого, — работу оставляетъ.

Я сказалъ сколько могу дать, — и парень сейчасъ же началъ «ладить» (готовить) лодку. Черезъ четверть часа—я уже сидѣлъ въ стружкѣ, который быстро несея по срединѣ рѣки...

— И гдѣ вы ночью-то были? вдругъ спросилъ меня зырянинъ... У грота, говоритъ отецъ?

— Да..., что же изъ этого?

— Недавно, видно, вы въ нашемъ краѣ?

— Недавно-то, недавно,—но что тутъ особеннаго.

— А слыхали вы про Ягъ-Морта? перебилъ меня парень.

— Про Ягъ-Морта? нѣтъ.

— И ничего не видали вы, когда были у грота?

— Ничего... но скажи же, что тамъ такое?

— Тутъ Ягъ-Мортъ погребенъ... ночью огонь видѣнъ на его могилѣ...

Меня заинтересовали эти загадочныя слова—и я попросилъ рассказать о Ягъ-Мортѣ (лѣсномъ человѣкѣ). Вотъ эта зырянская легенда, сохранившаяся въ народѣ и до сихъ поръ.

Въ эпоху отдаленной древности, когда еще зыряне коснѣли въ язычествѣ, не знали вовсе хлѣбопашества и не имѣли сношеній ни съ какимъ другимъ народомъ,—явился въ лѣсу лѣсной человѣкъ—Ягъ-Мортъ. Человѣкъ это былъ необыкновенный. Ростомъ онъ былъ едва ли не съ добрую сосну, по голосу, по виду — дикій звѣрь. Лицо, обросшее черною какъ смоль бородою; глаза налитые кровью, и дико

даному. Впрочемъ, это глупое повѣрье значительно ослабвваетъ, и есть молодые парни, которые не вѣрятъ ни въ какую «нечисть» — и поддвываютъ всякую рыбу, — лишь бы была крупна. А ужъ на счетъ держанія носа не справляются: держи куда угодно.

сверкавшіе изъ подъ густыхъ бровей; косматая одежда изъ невыдѣланной медвѣжьей шкуры: вотъ примѣты этого чело-вѣка, названіе котораго (Ягъ-Мортъ) вполне соответство-вало образу его жизни. Никто не зналъ ни роду, ни пле-мени Ягъ-Морта, никто не вѣдалъ, откуда появился онъ. Ни съ кѣмъ Ягъ-Мортъ не имѣлъ сношеній: онъ жилъ въ глубинѣ дремучаго лѣса, въ недоступныхъ трущобахъ, и появлялся между людьми только для грабежа и убійствъ. Для своихъ нападеній Ягъ-Мортъ избиралъ обыкновенно ноч-ное время, и тогда во мракѣ, освѣщаемомъ заревоиъ по-жара, каждый шагъ его обозначался кровью и опустоше-ніемъ. Онъ уводилъ, рѣзалъ скотъ, похищалъ женщинъ и дѣтей. Ненависть Ягъ-Морта ко всему живущему простира-лась до того, что онъ часто безъ всякой причины убивалъ встрѣчнаго и поперечнаго.

Зыряне были ожесточены противъ Ягъ-Морта, а сдѣлать съ нимъ ничего не могли. Идти открыто въ бой съ велика-номъ—колдуномъ они не смѣли,—а въ засады онъ не по-падался. И жилъ себѣ въ лѣсу Ягъ-Мортъ, грабя, убивая людей,—нагоняя на нихъ всякія болѣзни и бѣдствія. Но насталъ конецъ и его царствованію... расплатились зыряне съ лѣснымъ челоуѣкомъ за его злодѣянія.

Вотъ какъ случилось это.

Разъ у одного старшины пропала безъ вѣсти единствен-ная дочь-красавица. Другой такой красавицы и не было въ краѣ... Проходить день, два... проходить недѣля, а нѣтъ—какъ нѣтъ прекрасной Райды — (такъ звали красавицу). Мать ея выплакала глаза отъ слезъ; отецъ, женихъ выхо-дили всѣ ближайшія селенія, всѣ лѣса окрестные: но нигдѣ не нашли Райды. Вотъ кликнули кличь, созвали народъ на совѣщаніе, объявили горестную утрату, и всѣ, безъ исклю-ченія, и старые и малые—сказали въ одинъ голосъ: это дѣло рукъ Ягъ-Морта. Тогда женихъ Райды — обратился къ мо-лодымъ людямъ съ просьбою: «помочь,—во что бы то ни

стало отыскать жилище Ягъ-Морта, схватить его живаго или мертваго,—погубить, сжечь чародѣя, хотя бы и самимъ погибнуть при этомъ». Нашлись храбрецы—и толпа ихъ, вооружившись стрѣлами, копьями, *копоригами* (родъ копача), двинулась противъ Ягъ-Морта. Сто шло противъ одного. Но этотъ одинъ былъ не простой человекъ, а силачъ необыкновенный, страшный разбойникъ—и въ добавокъ колдунъ. Толпа отважныхъ молодцовъ не безъ страха ожидала встрѣчи съ врагомъ. А онъ не являлся. Нѣсколько сутокъ прошло въ бесплодныхъ поискахъ. Наконецъ, и зыряне рѣшились подняться на хитрость. Пошли они въ лѣсъ и спрятались около жилища Морта.

Вотъ сидятъ они, сидятъ—и видятъ, что Ягъ-Мортъ переходитъ вбродъ рѣку—и направляется прямо на нихъ. Зыряне поневолѣ должны были сдѣлаться храбрыми—и лишь только Ягъ-Мортъ вступилъ на сухой берегъ, копья, стрѣлы, камни—градомъ посыпались на него изъ засады. Изумленный внезапнымъ нападеніемъ, ошеломленный первыми ударами, Мортъ на минуту остановился, но не отступилъ ни шагу. Онъ сталъ—и, казалось, грознымъ взглядомъ измѣрялъ пространство, отдѣлявшее его отъ враговъ. А безчисленные удары сыпались на его грудь. Какъ дикій звѣрь—заревѣлъ Мортъ,—взмахнулъ тяжелой палицею и понесся въ средину нападающихъ. Зыряне окружили его—и началась страшная битва.... Ягъ-Мортъ долго стбивался отъ многочисленной толпы: много храбрыхъ зырянъ пало мертвыми отъ его палицы, но и самъ онъ наконецъ сталъ изнемогать: усталость, раны обезсилили его,—и онъ упалъ... Съ крикомъ радости—бросились на него зыряне, отсѣкли ему руки, ноги, а потомъ и голову. Въ жилищѣ Ягъ-Морта найдено было много добычи и обезображенный трупъ красавицы Райды. Убитаго Ягъ-Морта закопали въ глубокую яму и вбили въ могилу осиповый шестъ, въ силу того мнѣнія, что всѣ колдуны встаютъ изъ могилъ и бродятъ по свѣту,

и что только осиновый колъ, вбитый въ могилу, — можетъ помѣшать ихъ вставанію изъ гроба?

А неужели вы вѣрите этой сказкѣ? спрашивалъ я потомъ многихъ зырянъ.

Одни отвѣчали:

— Да что мудренаго, родной... есть такая погань въ мірѣ...

Но другіе (большинство) говорили:

— А кто его знаетъ—поди и то чай сказки...

Но зырянскія женщины гораздо суевѣрнѣе своихъ мужей. Онѣ и до сихъ поръ стращаютъ дѣтей, припѣвая надъ ихъ колыбелью:

«Ягъ-Мортъ аджидъ, кудзь буръ козь,
«Ягъ-Мортъ сіодъ, кудзь, паць томъ;
«Ипъ бордъ у ціо, Ягъ-Мортъ—воасъ,
«Куданъ бордны—тэнэ сеасъ.

То есть:

Ягъ-Мортъ высокъ, какъ хорошая ель,
Ягъ-Мортъ—черень, какъ печной уголь;
Не плачь, замолчи—Ягъ-Мортъ придетъ,
Стапешъ плакать—съѣсть.

Около полудня я прибылъ къ назначенному мѣсту—и шелъ тамъ всѣхъ своихъ, т. е. свою лодку. Остальныя лодки уѣхали. Содьякъ ходилъ искать меня и вернулся только что предо мною. Кузь очень былъ встревоженъ моимъ отсутствіемъ—и Содьякъ долженъ былъ выслушать отъ него цѣлый потокъ упрековъ.... Невеселые сидѣли всѣ у костра,—точно какое преступленіе было на ихъ душѣ, — какъ говорилъ потомъ Кузь.

Порядкомъ досталось мнѣ отъ всѣхъ.

— Такъ нельзя дѣлать, строго сказалъ Мергуль: время не шутка,—теперь вотъ мы одни остались...

Да, Александръ Павлычъ,—ѣхать, такъ слушаться: одного всѣ не ждуть, и одинъ всѣхъ не долженъ «тѣснить» (мѣшать).

Но несмотря на упреки—все были рады моему приѣзду. Закусивши и выпивши крѣпкой зырянской водки—я завалялся спать на дно лодки.

Мы снова отправились далѣе, — но такъ ужъ и не догнали своихъ переднихъ. Только на мѣстѣ сошлись съ ними.

VI.

На мѣстѣ.

Однообразно, безъ особенныхъ приключеній продолжалось наше плаваніе. Съ каждымъ днемъ становилось все холоднѣе и холоднѣе: случались такіе крѣпкіе утренники, что вода у береговъ толстой корой замерзала, и по срединѣ покрывалась легкой «заволокой».

— Совсѣмъ зима... пробираетъ точно въ никольскіе морозы, — замѣчаетъ ктонибудь изъ охотниковъ, просыпаясь утромъ и скидывая съ себя покрывало—тулупъ или просто оленью шкуру. Послѣ сна то, «пригрѣвшись», тѣлу было особенно чувствительно утреннее «холодо» (холодогъ, легкій морозикъ).

— Важно пробираетъ; гляди — не сегодня, такъ завтра и лодгамъ отставка будетъ—слышится другой голосъ.

— Можно и ждать, соглашались обыкновенно остальные. Желая скорѣй попасть на мѣсто и какъ можно болѣе облегчить путь плаваніемъ, мы спѣшили, какъ говорится, на «всѣхъ парусахъ». Для большей скорости—чаще мѣнялись «гребщики», и стоянки для обѣдовъ съ каждымъ днемъ занимали все менѣе и менѣе времени. Наконецъ, даже было рѣшено, чтобы совсѣмъ не останавливаться, а загусывать на ходу.

— Время дорого — а мѣсто близко: день, другой пройдемъ—у самага мѣста и будемъ.

Но однако намъ пришлось ошибиться въ своихъ расчетахъ. Морозко своимъ холоднымъ дыханіемъ быстро зата-

гиваль рѣки, преграждая намъ путь. Пробовали сначала было проламывать ледъ, но плаваніе такимъ образомъ было чрезвычайно утомительно и нисколько не давало выигрыша во времени.

Пришлось покориться—и высадиться на сушу. Въ одно, довольно морозное, октябрьское утро пристали мы къ берегу и начали свою выгрузку. Наша остановка пришлась какъ разъ у густого бора. Сосны, ровныя и прямыя, покрытыя снѣгомъ (промежутками немножко падалъ и снѣгъ), какъ свѣчи, высоко возносили свои вершины къ небу. Внизу чисто и гладко; только и видны на совершенно горизонтальной плоскости толстые стволы сосенъ, да мягкій коверъ бѣлаго моха, покрытаго мягкою «порошью» снѣга. Зрѣніе разбѣгается во всѣ четыре стороны—и далеко можно было видѣть въ бору каждый предметъ.

Поневоля пришлось сдѣлать стоянку.

— Вотъ тебѣ и жди теперь, замѣтилъ Меркуль, — словно вина кого-то.

Дѣйствительно, намъ нельзя было продолжать пути. Несмотря на холодъ, снѣгу почти вовсе не было, — и двигаться на нартахъ не было никакой возможности. Конечно, ихъ можно было нести и на рукахъ: но какихъ трудовъ это стоитъ?..

Рѣшились ждать.

— Будь—что Богу угодно? сказалъ Кузь.

Но не даромъ говорятъ, что Богъ милостивъ. Къ не описанной радости всѣхъ 8 человѣкъ — вдругъ выпало столько снѣгу, что явилась возможность — ѣхать далѣе. Зима буквально «скралась». Легли мы всѣ — земля была бурая, встали, — вышли изъ шалаша, сколоченнаго изъ досокъ, — глядимъ: кругомъ бѣлое снѣжное поле...

Пути оставалось намъ очень немного — и на третій день мы были уже на мѣстѣ.

— Вотъ нашъ и домикъ-дворецъ, сказалъ мнѣ Содьякъ, указывая на избушку, видѣвшуюся впереди.

— Здѣсь и жить будемъ? спросилъ я.

— Здѣсь...

Наши товарищи, нѣсколько ранѣ насъ прибывшіе на мѣсто, пробыли съ нами всего около часу и пошли далѣе. Каждая партія обыкновенно выбираетъ свой «*пывзанъ*», — т. е. лѣсную зимовую избушку или баню.

По прибытіи на мѣсто, охотники сейчасъ же принимаются за постройку пывзана, если нѣтъ уже готоваго. На счастье нашей партіи—пывзанъ уже былъ готовъ и дѣлать его не приходилось.

— Эта банька—нашихъ рукъ дѣло... Лонись (прошлый годъ) мы ее строили, сказали Кузь и Содьякъ.

Пывзанъ—лѣсная избушка—покрывается обыкновенно на одинъ скатъ досками; на крышу пывзана—насыпается нѣсколько рядовъ земли. Въ углу строится печь, точно такая же, какъ и въ сельскихъ баняхъ, и называемая *каменкой*. Отъ этого обстоятельства и самые пывзаны носятъ названіе лѣсныхъ бань. По стѣнамъ пывзана настланы нары (доски), на которыхъ спятъ охотники. Низеньгая, плотно затворяемая, дверь не выпускаетъ тепла изъ избы и потому въ ней бываетъ ужасно жарко. Для утомленнаго охотника—пывзанъ славная штука: здѣсь онъ находитъ себѣ пріютъ и возможность обсушиться, согрѣться послѣ долгаго пребыванія подъ мятелью или на морозѣ... Одно только есть неудобство въ пывзанѣ,—и неудобство не малое для непривыкшаго человѣка: во время топки страшно «безпокоить» дымъ; но ко всему привыкшему—зырянину это неудобство кажется такимъ ничтожнымъ, что онъ усмѣхнется на ваше замѣчаніе и подумаетъ только: «нѣженка, барчукъ-городской,—оттого и неладно тебѣ... а намъ ничего...¹⁾».

¹⁾ Зыряне вообще любятъ строить «бани». Во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ (говорить г. Арсеньевъ въ своихъ замѣткахъ), гдѣ производятся какія нибудь

Визгливо заскрипѣли двери у бани, когда Меркуль началъ отворять ихъ,—и вонючимъ затхлымъ воздухомъ пахнуло на меня, подошедшаго къ дверямъ. Меркуль нагнулся и пролезъ въ баню. Я за нимъ. Разогнувшись снова во весь ростъ и осматриваясь кругомъ, я увидѣлъ, что попалъ въ маленькую клѣтушку, безъ оконъ, лишь только съ одной отдушиной въ стѣнѣ. Стѣны и потолокъ были покрыты копотью. Въ одномъ углу была сложена печь,—а по стѣнамъ тянулись нары аршина полтора шириною. На нихъ валялась сѣнная труха, нѣсколько грязныхъ тряпокъ и какой-то легонькій, забытый что-ли, балахонъ.

— Каково?—усмѣхнувшись, спросилъ Меркуль.

Да это... хлѣвъ какой-то, а не баня, — сказалъ я — не безъ удивленія.

— Хм... хлѣвъ..., а придется вамъ въ этомъ хлѣвцѣ долго побыть...

— Что-жь, привыкну...

— Да ужъ нечего дѣлать: надо привыкать.

Одинъ за другимъ начали входить въ пывзанъ. Зажгли ночникъ (самодѣльная лампа) — и убрали немножко «дворецъ», какъ называлъ шутя Кузь баню: вымыли нары, положили новаго мху—и тогда уже стали развѣшивать и раскладывать тулупы и разныя вещи. Впрочемъ изъ послѣд-

работы, при которыхъ необходимы ночевки, непременно повздѣланы пывзаны. Потому встрѣчаешь ихъ на ножняхъ, на пустошахъ, на подсѣвахъ, на вырубкахъ, гдѣ дѣлаются заготовки бревенъ, на сплавахъ, на берегахъ большихъ рѣкъ, гдѣ зыряне ловятъ рыбу, и, наконецъ, въ лѣсныхъ трупобахъ, гдѣ занимаются они охотничьими промыслами. Замѣчательно, что зыряне—для постройки своей ночлежной баньки любятъ и стараются выбирать мѣста живописныя: если въ лѣсу—то на берегу крутого ручья, на высококомъ холмѣ, или близъ озерца, подъ густою, раскидистою сосною; если на ножнѣ — то непременно на пригоркѣ... Суровая душа зырянина, вѣчнаго труженника изъ-за куска хлѣба, не всегда бываетъ равнодушна къ красотамъ природы. Много разъ случалось мнѣ видѣть, какъ въ часы отдыха — зырянинъ предавался глубокой мечтательности, слѣдя за убѣгающими облачками, закатомъ солнца, журчаньемъ воды, быстро бѣгущей по камушкамъ.

НИХЪ МНОГІЯ ПОШЛИ ВЪ «ЩАМЬЮ», ПОТОМУ ЧТО ПОКА ТАМЪ БЫЛО МНОГО МѢСТА.

— Щамья! что это такое!—спросилъ я у Бузя, въ первый разъ слыша это слово.

— А вотъ поглядите, такъ и узнаете.

— Далеко?

— Чего далеко: шагахъ въ какихъ нибудь тридцати отъ бани...

Я вышелъ и вмѣстѣ съ Пэдеромъ направился къ щамьѣ. Оказалось, что щамья — нечто иное, какъ амбаръ. Она построена въ видѣ голубятни, утвержденной на столбѣ, подтесанномъ внизу конусомъ. Отворяется снизу, посредствомъ выдвигной доски.

— И вездѣ такія щамьи? освѣдомился я у Пэдера.

— При каждомъ пывзанѣ, бываетъ и не одна, смотря по надобности.

— Но для чего же собственно она служить?

— Какъ для чего? тутъ мы всѣ припасы хранимъ, тутъ и добыча наша хоронится.

— Да на столбѣ—зачѣмъ?

— А это отъ звѣря такъ надо... Ты оставь что либо въ пывзанѣ, или закопай, ну хоть подъ деревомъ, — звѣрь сейчасъ найдетъ...

— Звѣрь?

— Ну, да... рассомаха проклятая —ухъ на это какъ ловка—живо!

— А изъ щамьи не можетъ?

— Ни-ни! Ты смотри хорошенько: какъ столбъ то подтесанъ? сверху внизъ?

— Ну, сверху внизъ...

— А вотъ, то-то и есть! тутъ ужъ нигагъ рассомахъ не взлѣсть.

Эти слова подтвердили и другіе.

— Одно спасеніе въ шамъѣ: безъ нее — все рассомаха раскрасдетъ.

Когда все было убрано, мы всѣ забрались въ пывзанъ, разложили огонь — и сейчасъ же трое отправились съ винтовками за рябчиками.

— И петли захвати съ собой, крикнулъ Меркуль своему племяннику.

— Взялъ, коротко отвѣчалъ тотъ.

Охота за рябчиками не трудна. Нужно только отыскать сводъ ¹⁾ рябчиковъ, а ужъ затѣмъ только стрѣляй и не промахивайся. Не боясь слабого звука винтовки, рябчики смирно сидятъ на деревьяхъ и, въ то самое время, какъ одинъ валится — убитый винтовкой, — другіе весело стрекочутъ, вытягивая свои шейки. Послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ — сводъ снимается съ мѣста и летитъ далѣе. Теперь онъ садится уже немного выше. Охотникъ слѣдитъ за рябчиками, а эти обыкновенно летятъ по прямой линіи. Затѣмъ опять начинается стрѣльба. Все затрудненіе въ этой охотѣ заключается въ томъ, что нужно имѣть большой навыкъ и удивительную зоркость, чтобы осмотрѣть рябчика на деревѣ. Но эти качества не рѣдкость въ зырянахъ-охотникахъ.

— А собакъ развѣ не надо? замѣтилъ я Содьяку, когда мы вышли изъ пывзана.

— Собакъ? Сохрани васъ Богъ — собака все дѣло сгладить.

— Развѣ?

— Ужъ это безпремѣнно...

— На рябчиковъ, Александръ Павлычъ, вмѣшался Кузь, — собака никогда не беретъ. Рябчикъ боится собаки. Увидитъ ее — спрячется и тогда на дудку ужъ не отзовется.

Мы молча шли по тропкѣ одинъ за другимъ, — какъ вдругъ какая-то птица — съ рѣзкимъ свистомъ и сильно хло-

¹⁾ Сводъ — рябчиковое семейство.

ная крыльями вылетѣла изъ за деревьевъ. За ней другая, третья... я насчиталъ болѣе двадцати. Всѣ онѣ, одна за другою, падали въ чашу.

— Это онѣ, рябчики? шопотомъ спросилъ я.

— Рябчики, ствѣчалъ Кузь.

Мы, тихо, осторожно раздвигая вѣтви, стали пробираться въ чашу, вглядываясь въ деревья и присматриваясь къ землѣ. Какъ я ни вглядывался, сколько ни напрягалъ глазъ — ничего не видно... Вдругъ что-то шелохнулось на ели, близъ которой стоялъ Кузь. Я взглянулъ по этому направленію — и увидѣлъ рябчика, который присѣлъ и; вытянувшись вдоль вѣтви, оставался неподвиженъ.

Въ этотъ самый моментъ Кузь выстрѣлилъ, за нимъ слѣдовалъ тоже самое Содьягъ — и черезъ минуту стая рябчиковъ перепорхнула далѣе. Однако пять штукъ осталось на мѣстѣ. Подобравъ убитыхъ, — мы послѣдовали за улетѣвшими — и скоро снова нашли ихъ. Раздались опять выстрѣлы, снова двое убитыхъ — и снова стая перепорхнула далѣе. Мы пошли за нею. Такъ преслѣдовали мы до тѣхъ поръ, пока рябчики, разбившись въ одиночку, не разлетѣлись въ разныя стороны.

Я думалъ, что тутъ и конецъ дѣлу, — но я ошибся. Тутъ только я впервые познакомился съ дудкой, называемой пищакомъ.

Кузь вынулъ дудку — обыкновенный рожокъ — и издалъ свистъ, похожій на свистъ рябчика. Разлетѣвшіеся рябчики сразу откликнулись и начали подлетать на обманчивый свистокъ. Тогда раздались снова выстрѣлы — и еще 5 штукъ было убито. Остальные улетѣли — и мы уже не преслѣдовали ихъ.

На обратномъ пути въ пывзань — Кузь и Содьягъ ставили петли на рябчиковъ.

Здѣсь надо сказать, что зыряне большею частію рябчиковъ не стрѣляютъ, но ловятъ петлями и другими ловуш-

ками. Устройство петель очень просто: вершинки, срубленные съ молодых елей, раскладываются парами въ разныхъ направлѣняхъ, такимъ именно образомъ, что изъ нихъ образуется ломанная линія. Отрубы каждой пары соединены вмѣстѣ, а отъ одной вершинки къ другой натуго протянута въ двѣ толстыя рассученныя пряди бичевка, на которой и висить семь — много десятъ волосяныхъ петель. Верхніе края петель вложены въ бичевку между прядями, а нижніе касаются земли. Бродя — птица сунется въ петлю, потянетъ ее, захлеснетъ около шеи и задавится.

Видя, какъ ловко бьютъ зыряне рябчиковъ изъ винтовокъ, я невольно задумался: зачѣмъ имъ ловить еще петлями? Это недоразумѣніе я передалъ Кузю.

— Эхъ, Александръ Павлычъ! отвѣчалъ онъ: да вѣдь порохъ — то чай денегъ стоитъ... Наше дѣло бѣдное, — чѣмъ меньше изыяну — тѣмъ лучше... Опять и труда съ петлями меньше; а намъ вѣдь что? кто для удовольствія охотится — тому такъ, а намъ нужны деньги

— Все такъ, но вѣдь давленныхъ же хуже берутъ...

— Вы думаете — даютъ за нихъ меньше?

— А то развѣ нѣтъ?

— Да... но кто же узнаеть?

— Будто такъ трудно? вѣдь видно какъ дробь-то...

— Эхъ, полноте! на все обходъ есть...

Какъ оказалось, зыряне поднимаются на хитрости. Чтобы скрыть отъ покупателя, что рябчикъ удушенъ, они дѣлають гвоздемъ ранку въ головѣ птицы въ размѣрѣ дробинки — и продають такимъ образомъ давленнаго рябчика за убитаго.

Кромѣ петлей, ловятъ (хотя и не часто) рябчиковъ еще копкакомъ: легко прикрѣпленный къ дереву за веревочку, онъ тотчасъ падаетъ, какъ только рябчикъ подбѣжитъ подъ него и дернетъ за подвѣшанную подъ нимъ рябину.

Русскіе крестьяне страшно не любятъ зырянъ за ихъ

обычай ставить петли—и при всякомъ удобномъ случаѣ потѣшаются надъ зырянами.

— Ишь какой истошный (хитрый) народецъ, говорить русскій:—онъ и охотится то не съ ружьемъ, а съ бичевкой...

Но зыряне не обращаютъ вниманія на эти насмѣшки и продолжаютъ ставить петли.

Вечеромъ мы опять всё собрались въ пывзанѣ. Двери были плотно закрыты; печь натопилась и жара была страшная. Почти всё сидѣли въ одномъ нижнемъ платьѣ. Какъ первую добычу—рябчиковъ сварили и ужинъ вышелъ великолѣпный. У меня былъ съ собою чай — и всё съ большимъ удовольствіемъ запили «китайской травкой». Послышались прибаутки, шутки, даже пѣсни... Угрюмые зыряне дѣлались очень развязны и остроумны въ своемъ кругу. Остроты ихъ правда немного грубоваты, но мѣтки и многозначительны: въ двухъ-трехъ словахъ онѣ выражаютъ и укоръ, и насмѣшку, и поученье.

Въ этотъ вечеръ впервые и въ послѣдній разъ слышала я зырянскую — очень по моему умную загадку.

— «Что это такое: изъ воды родится, въ огнѣ растеть и въ водѣ же умираетъ (ваись чужо, бииль быдмо, во эжэ и куло)? спросилъ Кузь.

Содьягъ всёхъ ранѣе отвѣтилъ:

— Соль!

— Пѣсень пѣлось много,—но я запомнилъ одну, да и то лишь начало. Приведу—что знаю:

Бадэ, бадэ! мый гаштэма пукаланъ?
Али тэньдъ бадэ войтелсь тэлэ?
Войтелсь тэлэ, али йэзерьсь зэрэ?

То-есть:

Ивушка, ивушка! что ты не весело стоишь?
Или тебя ивушка вѣтромъ колыхаетъ?
Вѣтромъ колыхаетъ, градомъ съчетъ?

Когда же смолкли и пѣсни и шутки, — Содьягъ выступилъ съ своими розсказнями. Бездну разныхъ сказокъ, ис-

торій—зналъ этотъ человѣкъ и главное—любилъ тѣ, гдѣ зыряне—дѣйствующія лица. И посмѣяться надъ своими былъ не прочь.

— Разсказать что-ли вамъ, братцы? предложилъ онъ компаніи.

— Разскажи, разскажи,—согласились всѣ... Ты вѣдь собаку съѣлъ на этомъ.

— Да что разсказать - то? али про дятла? да, братцы? славная исторія—недавно узналъ и самъ.

— Ну, валяй и про него... все равно — что тебѣ ни молоть...

Содьякъ не обидѣлся такими словами—и началъ:

— Ъхаль, братцы, зырянинъ въ городъ. Везъ онъ продавать бочку дегтя. Вотъ хорошо: лошаденка у него устала, самъ онъ проголодался, надо было покормить. Дѣло вышло на пустописьѣ. Отпрегъ онъ лошаденку, привязалъ ее къ телегѣ, насыпалъ ей овса, а самъ захотѣлъ огонька развести. Прилучился тутъ пенъ большой съ дуплей: онъ возьми да и зажги его. Невдомекъ ему, что въ дуплѣ было дятлево гнѣздо съ дѣтками. Выпорхнулъ изъ дупла дятель,—полеталъ, полеталъ, поскрипѣлъ,—но что дѣлать: сгорѣли всѣ дѣтки до одинаго. Вотъ и думаетъ дятель: «постой ты, зырянское чучело,—отплачу я тебѣ такъ, что будешь меня помнить». Съѣлъ онъ на бочку—да и давай долбить въ обручи. Снизу-то долбить, и сверху-то долбить, и съ боку-то долбить. Увидаль зырянинъ, осерчалъ и думаетъ: «погоди же ты, носатая шельма, задамъ я тебѣ трезвону!» Схватилъ онъ топоръ, подгрался тихонько къ дятлю—и хватъ, что было силы. Дятель-то улетѣлъ, увернулся,—а бочка-то распустилась, потому что обручи были переѣчены: ушелъ весь деготь. Началъ горевать зырянинъ, горюетъ да ругаетъ дятла; а дятель съѣлъ на голову лошади—и давай долбить ее. Увидаль зырянинъ—и думаетъ: «эко ты, носатая тварь, напустилъ ты у меня съ бочкой, да и лошадь-то хочешь задолбить!

Я же тебя!» Схватилъ онъ топоръ, подкрался къ дятлю и—хвать изо всей мочи. Дятель-то опять увернулся, а лошадь упала и тутъ же протянула ноги, подохла. Сильно загорѣвалъ зырянинъ, слезно заплакалъ и пошелъ обратно домой. Идетъ онъ путемъ-дорогою, ругаетъ дятла; а дятель полетѣлъ въ ту деревню, гдѣ жилъ зырянинъ. Время было дневное, всѣ окна въ избѣ были открыты. Дятель и влетѣлъ въ избу. Увидаль онъ горшокъ съ кашей, сѣлъ на него и давай долбить. Увидала баба дятла и давай ругаться: «ишь, носатая тварь, — каши захотѣлъ... я тебя!» и хвать полѣномъ. Дятель увернулся—а горшокъ весь въ черепки разлетѣлся. Дятель сѣлъ на зыбку, гдѣ лежалъ ребенокъ въ пеленгахъ—и давай долбить его. Увидала это баба, отъ злости изъ ума ее вышибло, схватила она полѣно и хвать по ребенку. Дятель-то увернулся и махъ въ окно, а дитя—до смерти зашиблось. Заплакала слезно баба. А на эту пору и мужъ пришелъ. Жена ему рассказываетъ про свое горе. Онъ только руками взмахнулъ... «Экой—врагъ нашъ! все одинъ это... погоди же ты, носатая тварь!» Но напрасно грозился онъ... дятла-то и слѣдъ простылъ.

— Ну, что — хороша-ли исторія, братцы? заключилъ Содьякъ свой рассказъ.

— Рассказывать - то ты мастеръ, да не ладное гуторишь, замѣтилъ Меркуль.

— А что такъ, дядюшка?

— Да такъ родной... не слѣдуетъ смѣяться надъ своимъ братомъ-зыряниномъ...

— Что же такое? Глупые вездѣ есть...

— Все такъ, да не твое дѣло...

— Ну, коли не любя исторія,—и другую можно...

— Нѣтъ, ужъ вдругорядъ лучше... теперь отдохнуть пора. Мы же не для прібаутокъ сюда ѣхали. Надо завтра рано встать, а всѣ мы добро умаялись...

Эту мысль всѣ раздѣлили безусловно—и не прошло по-

лучаса, какъ въ пывзанѣ погасъ огонь и всѣ легли спать. Утомленные—охотники заснули очень скоро. Но я положительно не могъ спать. Мнѣ было тяжело, душно... голова горѣла, въ вискахъ стучало—и все мое тѣло болѣло и ныло. Меня клонило ко сну, — но лишь только я засыпалъ, какъ вдругъ что-то сдавливало грудь, дыханіе спиралось,—сердце замирало... Я чувствовалъ эту тяжесть и не могъ пошевелить ни рукой, ни ногой... Провозившись съ часъ такимъ образомъ — я вышелъ изъ пывзана на свѣжій воздухъ... Холодною волною пахнуло на меня—и въ одну минуту мнѣ стало легче... Любуясь звѣзднымъ синимъ небомъ и вдыхая свѣжій, холодный воздухъ, я простоялъ около часу. Дрожь заставила снова скрыться въ пывзанъ. Неслось громкое храпѣнье. Я прилечь на старое мѣсто и — не помню самъ, какъ заснулъ, мечтая о будущемъ днѣ и вспоминая минувшее.. Раза два — съвозъ сонъ слышалъ я вой собаки — и каждый разъ невольно вздрагивалъ всѣмъ тѣломъ...

VII.

Михайло Ивановичъ пошаливаетъ.

— Братцы, Михайло Ивановичъ шалить! восселигнулъ Содьякъ, входя въ пывзанъ.

Мы всѣ сидѣли въ банѣ и ждали ужина. Цѣлый день прошелъ въ охотѣ за рябчиками, и добыча была важная. Всѣхъ болѣе добылъ Меркуль: и настрѣлялъ онъ больше, и въ петли его попалось птицы болѣе. Мало этого, онъ убилъ мимоходомъ трехъ зайцевъ и даже чуть было не подцѣпилъ лисицу. Бузь тоже настрѣлялъ изрядно, но въ петляхъ у него было рябчиковъ мало. Да изъ этого-то еще медвѣдь поѣлъ. Онъ ужасный охотникъ до дичи. Нерѣдко онъ поѣдаетъ все, что попадаетъ въ разставленныя петли.

— Братцы, Михайло Ивановичъ шалить! повторилъ Содьякъ, сбрасывая съ себя малицу.

— Да,—пошаливаетъ, и у меня тоже очистишь, чтобъ ему было пусто,—невесело отозвался Кузь.

— И много?

— Да порядкомъ... не приди я еще часъ, онъ бы и остальное счистишь.

— Ты его видѣлъ?

— Видѣлъ... Вишь это какъ. Иду я тройкою, подвигаюсь впередъ... тишь кругомъ... Одинъ только дятель стучалъ своимъ клювомъ по дереву. Иду—вижу петли всѣ порваны, дальше тоже; натыкаюсь на первый слопецъ — сломанъ и сброшенъ въ сторону ¹⁾). Что думаю за диво?! неужли близко черная немочь? ²⁾). И успѣлъ лишь только это выговорить, какъ послышалось въ сторонѣ, близь меня — глухое рычанье. Всмотриваюсь—и вижу: въ шагахъ 40-50—медвѣдь—большой такой.. Стоитъ онъ у дерева и чиститъ лапой морду. Это онъ, окаянный, птицу сожралъ.. Что было мнѣ дѣлать? Съ дробью не биться съ немочью, — я давай скорѣй отодвигаться назадъ, а онъ зарычалъ и пеплелся впередъ...

— Ишь, немочь! а у меня, братъ, онъ, али другой ужъ — прахъ его знаетъ — всю птицу поѣлъ... Дѣло — неладно...

— Такъ ужъ не охота: всѣ труды пропадутъ...

— Что-жь—замѣтилъ Меркуль: можно и усмирить топтыгина; не пойдемъ завтра на птицу, а выслѣдимъ его логовище...

— Надо, дядя,—безпремѣнно надо.

— Идемте... я не откажусь...

Зыряне не очень охотно идутъ на медвѣдя, — и рѣдкіе смѣльчаки рѣшаются съ ножомъ въ рукѣ вступать въ борьбу

¹⁾ Слопецъ—плашка, сколоченная изъ нѣсколькихъ бревешковъ. Поддерживается она тонкою подставкою. Достаточно поразрыть землю, чтобы приманить рябчика. Подставка легко сбивается съ мѣста, плашка падаетъ—и давитъ собою птицу.

²⁾ Черная немочь—такъ зовутъ медвѣдя зыряне, разсердясь на него.

съ Михайломъ Ивановичемъ. Всегда почти идутъ цѣлой толпой, съ сильными и ловкими собаками. Бьютъ медвѣдя разными способами,—но самый обыкновенный—слѣдующій: на рубаютъ нѣсколько вершинъ ели и пихты, въ сажень длиною, и съ ними окружаютъ берлогу Топтыгина. Найдя отверстіе въ берлогѣ, начинаютъ туда втыкать вершину, комлемъ впередъ; медвѣдь яростно схватываетъ вершину, — и утаскиваетъ въ свое жилище. Послѣ этого втыкаютъ другую вершину — и медвѣдь точно также втаскиваетъ и ее. Такъ продолжается исторія до тѣхъ поръ, пока медвѣдь, стѣсненный въ берлогѣ, не перестанетъ втаскивать деревья и не замолчитъ. Тогда охотники начинаютъ внимательно прислушиваться. Проходитъ нѣсколько минутъ—и звѣрь начинаетъ царапать лапами въ другомъ краю берлоги, противоположномъ тому, въ который втыкали деревья. Охотники прорываютъ и здѣсь небольшое отверстіе—и опять начинается исторія втаскиванія вершинъ. Наконецъ—медвѣдь совсѣмъ стѣсненъ. Начинается страшный ревъ. Теперь охотники, опредѣливъ хорошенько мѣстопребываніе звѣря, разрываютъ большое отверстіе — и бьютъ медвѣдя въ упоръ изъ ружья или добиваютъ его рогаткой. Но впрочемъ случается—медвѣдь яростно бросается на охотниковъ — и бой кончается не всегда смертью косматаго...

Выходя изъ пывзана, мы хотѣли убить топтыгина точно такимъ манеромъ, — и были готовы къ бою. Взяты четыре хорошія, смѣлыя собаки. Но нашъ планъ не удался — медвѣдь предупредилъ насъ—и встрѣтилъ въ лѣсу. Это былъ шатунъ медвѣдь, не нашедшій себѣ берлоги... Появленіе страшнаго звѣря — на минуту всѣхъ испугало. Когда онъ поднялся на заднія лапы, — заревѣлъ, раскрывъ огромную пасть, выставивъ страшные бѣлые зубы, выпустивъ ужасные кривые когти, — я весь обмеръ отъ страха и ноги мои задрожали... Минута—и медвѣдь быстро двинулся на насъ. Впереди всѣхъ стоялъ Содьягъ. Онъ оправился и встрѣтилъ

косматаго непріятеля выстрѣломъ. Но ударъ былъ не смертеленъ. Медвѣдь зарычалъ и бросился... Въ это время двѣ собаки вцѣпились въ него. По необходимости онъ присѣлъ на корточки, — чтобы въ этомъ положеніи отбиваться отъ собакъ. Послѣдовалъ второй выстрѣлъ. Но Кузь — поторопился—и «срамно», какъ сказалъ самъ,—далъ мимо, слегка задѣвъ медвѣдя за ухо. Эта царапина еще сильнѣе раздражила звѣря — и онъ снова бросился впередъ. Но собаки дружно—и всѣ уже четыре—схватились съ нимъ: Михайло Ивановичъ опять присѣлъ. А въ это время Пѣдеръ спокойно навелъ выстрѣлъ и пуля прямо попала въ лобъ. Звѣрь выпустилъ собаку—и покачнулся... Врагъ былъ сломанъ.

Взваливши убитаго звѣря на чунки — мы отправились обратно въ пывзанъ. Подходя къ дому—мы вдругъ услышали какіе-то звуки — похожіе на вабенье зайца.

— Вѣдь это заяцъ? обратился я къ Пѣдеру, который шелъ рядомъ со мною.

— Онъ — косой...

— А будто не птица?

— Ни... я ужъ хорошо знаю... Самъ видѣлъ.

— Когда же это?

— Да ланись... на тягѣ былъ... Иду это я домой—вдругъ слышу около меня: ва-ва! ва-ва! Что, думаю, такое? дай гляну. А ужъ темненько было, заря потухала, и звѣздочки на небѣ рѣденько свѣтились. Вдругъ зашелестѣло въ кустъ—и оттуда выскочилъ заяцъ... сѣлъ, колотить себѣ въ мордочку—и кричить: ва-ва! ва-ва! А, думаю, вотъ кто... ишь, косой!

— А тебѣ надо хорошо помнить этотъ день,—улыбаясь, замѣтилъ Меркуль.

— И помню,—вдругъ какъ-будто съ досадою отвѣтилъ флегматичный Пѣдеръ.

Я любопытствовалъ узнать причину.

— Да такъ... дѣло пустое, отиѣкивался Пѣдеръ.

- Расскажи.
- Не стоитъ.
- Не хочешь?
- Нѣтъ, отчего же... да бросьте вы... пустое...

Такъ, и не рассказаль Пэдеръ—въ чемъ дѣло. А дѣло было въ томъ, какъ сказаль мнѣ Меркуль, что наканунѣ этого же дня Пэдеръ по оплошности и волка и лисицу изъ рукъ выпустиль. Самолюбіе охотника сильно страдало—и Пэдеръ не хотѣль рассказать про свою ошибку.

Происходило все слѣдующимъ образомъ:

Вышелъ за чѣмъ-то Пэдеръ изъ избы, была ночь; слышитъ онъ—волкъ воетъ. Онъ за ружье и прямо на голосъ. Добѣжалъ до спуска къ рѣкѣ—и сталъ подь навѣсъ сарая. Ночь-то была звѣздная, тихая. Стоитъ это Пэдеръ и слышитъ, что волкъ гоняетъ что-то по рѣкѣ: внизу угонку сдѣлалъ, назадъ погналь, потомъ опять внизъ, а тутъ опять вверхъ. Гоняетъ онъ и взвизгиваетъ. Стоитъ Пэдеръ—слушаетъ. Вдругъ видитъ—по дорогѣ, прямо къ нему—катится что-то небольшое. «А, собака»,—подумаль Пэдеръ,—и взвелъ курокъ. Только это «звѣрье», что за собаку-то приняль, какъ мятель поднялась по взвозу,—пробѣжала мимо Пэдера и присѣла неподалегу. Пэдеръ—слѣпота видно напала—не разглядѣль, что у «звѣрья» — мордочка то тоненькая, ушки востренькія, — какъ быть должно лисицѣ. «Собака» — думаетъ,—да—возьми и мызчни. Какъ «звѣрье» то услыхала мызчанье—шмыгъ въ гору, а волкъ-то на встрѣчу. Видитъ, дѣло неминуемое: какъ кинется — черезъ бугоръ снѣга, а хвостъ-то и развился... пушистый, толстый... Тутъ только Пэдеръ поняль, что собака была не собака, а настоящая лисица. «Эхъ, досада!» выругаль онъ, да что подѣлаешь,—не воротишь. А пока онъ, очумѣлый, думаль—и волкъ-то скрылся: тагъ и пропало все. А между тѣмъ лиса-то стала кроль. Пэдеръ и искать ее не сталъ... А день спустя одинъ охотникъ и напаль на ея слѣдъ. Слѣдилъ, дошелъ до пер-

выхъ кустовъ — а тамъ, подъ елью, и лежитъ лиса — подохлая.

Едва только успѣлъ Меркуль рассказать мнѣ эту исторію, какъ Кузь замѣтилъ слѣдъ лисицы...

— Ну, братцы, надо выслѣдить—и попотчивать Патригѣвну—мясцомъ.

— Дѣло хорошее, одобрилъ Содьякъ:—не зѣвай.

— Ни за что! Завтра же все исполню.

— А я такъ за сободемъ попробую, сказалъ Содьякъ. Какъ только вотъ приду въ пывзань, поѣмъ, и за колодицы примусь...

— А скажите,—обратился я ко всѣмъ вообще: правда-ли, что лисицъ выкармливаютъ?

— Это что? отозвался Меркуль: ты про то, что маленькихъ берутъ изъ норъ и дома ростиать?

— Да... правда?

— Это вѣрно... Дѣломъ этимъ весной занимаются; когда настанетъ крѣпкій настъ—выслѣживаютъ лисы норы въ лѣсныхъ трупцахъ. Охотники раскапываютъ норы и достаютъ лисятъ.

— А чѣмъ же ихъ кормятъ?

— Лисицу-то? Да чѣмъ: сначала молоко, а потомъ падалъ всякую.

— Ты пробовалъ?

— Какъже, бывало,—ловилъ,—да что! Выкормышь—и половины не стоятъ свободныхъ; не то, братъ, та лиса, что на волѣ; совсѣмъ не то!

Возвратясь въ пывзань, всѣ, кромѣ Содьяка, принялись за обдѣлку медвѣдя. Содьякъ же, перекусивъ, ушелъ въ лѣсъ излаживать, уже приготовленную на половину, колодицу. Эта ловушка, въ которую попадаютъ и соболю, и куница, и рысь,—устраивается слѣдующимъ образомъ. Между двумя деревьями, снизу подчищенными, въ разстояніи одинъ отъ другого сажени на двѣ, вколачиваютъ близъ одного изъ

нихъ колъ, длиною сажени въ $1\frac{1}{2}$; потомъ верхній конецъ кола разщепляютъ—и, сдѣлавъ такой же разщепъ на другомъ деревѣ, утверждаютъ въ оба разщепы поперечную жердь. Надъ этой жердью кладутъ другую, у которой одинъ конецъ стѣсанъ наискось, а другой заостренъ такъ, чтобы пришелся въ разщепъ, сдѣланный на деревѣ, и могъ свободно подниматься и опускаться; къ концу этой жерди привязываютъ на бичевкѣ *сторожекъ*, а на нижней части придѣлываютъ язычекъ съ зарубкою, къ которому на силкѣ прикрѣпляютъ притраву. Для притравы употребляется обыкновенно мясо рябчика, до котораго такъ охочи соболи. При настораживаніи колодицы—сторожекъ вставляется въ зарубку язычкомъ такъ, чтобы гнетъ верхней плахи (или жерди) былъ въ равновѣсіи съ притравой. Соболю (или другой звѣрь), пробираясь къ притравѣ между обѣихъ жердей и доставая ее, нарушаетъ равновѣсіе верхней жерди; сторожекъ выскакиваетъ, жердь мгновенно падаетъ и пришибаетъ соболя.

Поздно, когда ужъ мы легли спать, вернулся домой Содьякъ.

— Что, все изладилъ? спросилъ я, пробуждаясь отъ его прихода.

— Все излажено... дай Богъ скорѣй только звѣря.

Здѣсь кстати сказать о томъ, какъ зыряне узнаютъ дорогу—и ночью, и въ ненастье. Содьякъ ходилъ далеко—для настораживанія колодицы—и ночью безъ матки вернулся въ баню, не сбившись съ пути. Зыряне узнаютъ дорогу по деревьямъ: въ той сторонѣ, гдѣ кора деревьевъ толще—глубѣе, съ большими трещинами, тамъ сѣверъ; гдѣ нѣжнѣе, тоньше, съ мелкими трещинами—югъ. Сучья деревьевъ на сторонѣ, обращенной къ сѣверу—короче, а къ югу—длиннѣе.

VIII.

За бѣлкой (уркой).

Кто не видалъ изъ васъ, читатели, бѣлки, или иначе вѣвши (подъ этимъ названіемъ она болѣе извѣстна каждому)? Вѣроятно, не найдется такого, который бы отвѣтилъ утвердительно. Въ самомъ дѣлѣ — этотъ звѣрекъ почти извѣстенъ всякому. Если не въ лѣсу, не въ рошѣ, то въ разныхъ домахъ, въ магазинахъ можно видѣть бѣлку. Она сидитъ въ кѣлтѣхъ, забавно прыгая въ колесѣ, ловко поднявъ кверху свой пушистый хвостикъ, раскусывая бросаемые орѣхи... И что за граціозный этотъ звѣрекъ — бѣлка! Она легка, быстра, — и скачетъ-ли по деревьямъ, сидитъ-ли спокойно на вѣткѣхъ и лакомится орѣшками, — вездѣ видны ловкость, грація, — живописный, прелестный звѣрекъ.

Но не мѣшаетъ сказать нѣсколько словъ о наружности бѣлки. Она имѣетъ довольно длинную, пушистую, мягкую шерсть, которая на брюшкѣ короче, а на спинѣ длиннѣе; ушки — стоячія, довольно длинные, покрыты шерстью темнаго цвѣта, въ видѣ кисточекъ. На хвостѣ — шерсть длинная, густая, пушистая. Ножки, соразмѣрныя со всѣмъ тѣломъ, мохнаты, — и при этомъ заднія длиннѣе переднихъ, ступни — широкія. Когти довольно длинные, остры; мордочка — красивая, тупая, съ черными, быстрыми глазками; зубы передніе — острые; на губахъ — черные усы. Совершенно вѣрно удивляется сибирскій охотникъ, что вѣкшу назвали бѣлкой. «Не понимаю, почему назвали такъ этого звѣрька: у бѣлки бѣло только одно брюшко и грудь, а спинка, голова, ноги — словомъ все остальное — сѣренькое, темнопепельнаго цвѣта. Скорѣе же зайца — бѣляка, горностая или ласку — можно было назвать бѣлкой, потому что зимою они бываютъ всѣ бѣлые, какъ снѣгъ. — Зырянское названіе — гораздо основательнѣе: *урка* — отъ слова урчать, — звѣрекъ, который урчить. Оно такъ и есть. Голосъ бѣлки похожъ на урчанье.

«Уркаеть» — говорятъ зыряне. Преслѣдуемая охотникомъ, загнанная на одиноко стоящее дерево, векша бѣгаетъ по вѣткамъ и, взобравшись на самую вершину, видя невозможность перескочить на другое дерево, — она сердится, третъ передними лапками свою мордочку и урчитъ.

Питается бѣлка кедровыми орѣхами и грибами. Въ неурожайные года она не брезгаетъ также сосновыми, еловыми шишками, и даже березовыми почками. Но питаніе сосновыми шишками нерѣдко бываетъ гибельно для животнаго: смола заклѣпываетъ ротъ звѣрку — и онъ издыхаетъ.

Бѣлка—звѣрекъ очень запасливый. На зиму, съ осени, она запасаетъ значительное количество кедровыхъ орѣховъ и шишекъ. Только нерѣдка случается, что бурундукъ открываетъ этотъ запасъ и перетаскиваетъ въ свою нору. Поймаетъ бѣлка вора—плохо ему, нѣтъ—пожалуй лишится всего запаса.

Не находя въ достаточномъ количествѣ пищи, бѣлка переходитъ изъ одного мѣста въ другое. Такое путешествіе совершается цѣлымъ стадомъ, — и векша неуклонно держится одного направленія, причемъ ей иногда приходится переходить горы и переплывать рѣки и озера. При плаваніи—бѣлка высоко подымаетъ свой хвостъ, чтобы не замочить его: какъ только что хвостъ дѣлается мокрымъ — животное не въ состояніи держаться на водѣ — и идетъ ко дну.

Живетъ бѣлка парно. Сдѣлавъ въ дуплѣ или въ густыхъ вѣтвяхъ удобное гнѣздо, пара (самецъ и самка) поселяется въ немъ.

Зыряне вообще различаютъ много видовъ или сортовъ бѣлки.

- 1) Князекъ — цвѣта темно-бураго, бѣлаго, пестраго.
- 2) Петровка — до августа красноватаго, а послѣ линяетъ — и бураго.
- 3) Мездра — лѣтомъ темнаго, сѣро-темнаго, а когда очистится — бѣлаго.

День занимался ясный, свѣжій... Пріятнымъ холодкомъ охватило насъ, когда мы вышли изъ пывзана. Морозило—но слегка, а это всего лучше, — какъ разъ на руку въ охотѣ за бѣлкою: она любитъ ясные, не слишкомъ холодные деньки и выходитъ изъ норокъ (гнѣзда) порѣзвиться, погрѣться на солнышкѣ. Утренняя заря не совсѣмъ еще отгорѣла и алый отвѣтъ ея ложился на ломанную линію сплошнаго бора, по которому шли мы. Вершины его точно плавали въ цѣломъ морѣ розоваго сіянія. Съ каждымъ шагомъ впередъ — лѣсъ становился рослѣе, виднѣе. Высокія деревья, опираясь въ землю своими вѣтвями, которыя были осыпаны снѣгомъ, высоко поднимали кверху свои вершины, — озаренныя, позолоченныя утренними лучами зимняго сѣвернаго солнца... Кругомъ стояла тишь, — и величаво-сурово смотрѣли деревья, словно совсѣмъ оцѣпенѣлыя подъ своими снѣжными пеленами. Вверху стояла совершенная чистота лазуреваго воздуха, а внизу мгlistая поверхность ея, — и эти двѣ противоположности, отличительныя, присущія сѣверному пейзажу, — представляли очень эффектную картину.

Долго шли мы по пустынному бору, то пробираясь чащами, то опускаясь въ овраги, — то снова выходя на ровную поляну, — окруженную кругомъ лѣсомъ.

Наконецъ, пришло время разъединиться. Каждый охотникъ со своей собакой пошелъ отдѣльно. Я, разумѣется, не могъ идти одинъ, да меня бы и не пустили. На этотъ разъ я отправился съ крестникомъ Меркула — Якушомъ, рослымъ парнемъ, лѣтъ 26, съ чрезвычайно красивымъ и пріятнымъ лицомъ; это лицо было бы еще пріятнѣе, если бы двѣ фонтанели не портили его. Здѣсь не лишнее будетъ сказать два слова объ зырянскомъ пристрастіи къ искусственнымъ фонтанелямъ — какъ лучшему средству вылечиться отъ болѣзни.

Живя въ глуши, не имѣя ни средствъ, ни возможности пользоваться разумными медицинскими пособіями (на цѣлый

громадный уѣздъ—одинъ врачъ, тагъ что иныя деревни и не видятъ его вовсе), отъ сильнаго расслабленія членовъ, отъ простуды, ушиба и разныхъ другихъ болѣзней, соединенныхъ съ порчею крови, зыряне лечатъ себя слѣдующимъ образомъ: берутъ пакулу, т. е. сухую березовую губку,—обрѣзають ее на подобіе плоскаго прутка, кладутъ на больное мѣсто—и зажигаютъ сверху. Больной во время такой операціи лежитъ или даже сидитъ. Когда огонь зажженной губки начнетъ достигать до тѣла—и больной почувствуетъ отъ этого боль, то значить, что въ этомъ мѣстѣ нѣтъ скопленія дурной крови—и что губку можно приложить къ другому мѣсту. Если больной вновь почувствуетъ отъ горящей губки боль, то ее отнимають и опять прикладывають къ другому мѣсту. Это дѣлается до тѣхъ поръ, пока губка, коснувшись тѣла, не отскочитъ сама собою. Иногда она отскакиваетъ вершка на четыре; это считается признакомъ того, что въ томъ самомъ мѣстѣ большое скопленіе дурной крови. Тогда прикладывають снова къ этому мѣсту губку—и, придерживая ее чѣмъ нибудь несгораемымъ, выжигаютъ тѣло глубиною на 3 линіи. Больной на все смотритъ спокойно. Послѣ такой операціи—начинается гноеніе раны, и нерѣдко бываетъ, что при наклоненіи ее книзу—изъ нея изливается черная, сгустившаяся кровь; потомъ начинается истеченіе гноя—и рана поддерживается до тѣхъ поръ, пока не будетъ больному легче. Для заживленія раны употребляется капустный листокъ. Зыряне увѣряють, что они получаютъ отъ этого громадное облегченіе.

Но возвратимся къ разсказу.

Итакъ, мы пошли съ Якушомъ... Черная собака — рѣдкость въ зырянскомъ краю—бѣжала впереди насъ... *Злобный*—такъ звали собаку—славился во всей деревнѣ своимъ умѣньемъ выслѣживать бѣлку. Не одинъ десятокъ собакъ выучилъ онъ,—и безчисленное множество бѣлокъ, благодаря ему, попало подъ нулю Якуша. Впрочемъ, надо сказать правду,

и всё вообще зырянскія собаки чрезвычайно ловки въ охотѣ на бѣлку. Онѣ выслѣживаютъ ее—не только по слѣду на землѣ, но и въ самой густотѣ деревьевъ.

— Славный день сегодня, — и не особенно холодно, и свѣжо: бодро идешь, — заговорилъ я съ Ягушомъ.

— День важный, согласился онъ: какъ есть на охоту за уркой чудесно!

— А въ морозъ хуже?

— Какъ можно! Въ морозъ она (бѣлка) залезетъ въ густоту, иль въ гнѣздо, дупло, — и носу оттуда не покажетъ...

— Кузь говорить, что и въ мятель, въ вѣтеръ тоже худо?

— Лучше и не ходи! Вѣтеръ вѣтви качаетъ—и нельзя никоимъ манеромъ приладиться въ бѣлку.

Злобный началъ все чаще и чаще обнюхивать землю—и видимое беспокойство овладѣвало имъ.

— Видно чуетъ... шла тутъ она, — промолвилъ Ягушъ.

И дѣйствительно, — черезъ нѣсколько минутъ стали попадаться на землѣ слѣды векши. Узнать ихъ очень не трудно—не только опытному охотнику, но даже и новичку. Слѣдъ бѣлки, сравнительно съ величиной ея, довольно великъ, потому что она «ширитъ» (какъ выражаются охотники) и безъ того широкия и мохнатыя лапки. На рыхломъ снѣгу ясно напечатлѣвались слѣды пальцевъ и когтей. Гдѣ же снѣгъ былъ по глубже — слѣды становились еще болѣе замѣтными. Видно урка проваливалась лапками, задѣвала хвостомъ—и надѣлала множество знаковъ.

Злобный далеко оставилъ насъ позади—и около минутъ десяти—пятнадцати мы совсѣмъ не видѣли его. Вдругъ раздался его громкій, пронзительный лай. Онъ выслѣдилъ, значитъ, бѣлку—и давалъ знать объ этомъ хозяину. Бѣлка не боится собачьяго лая, а напротивъ — даже любитъ его и, точно наслаждаясь имъ, сидитъ на деревѣ—и смотритъ при-

стально на собаку. Мы видѣли издали, какъ урка, вперивъ свои глазки на *Злобнаго*, дѣлала презабавныя гримасы, и, принимая разныя положенія, продолжала грызть орѣшки. Но едва мы сдѣлали нѣсколько шаговъ впередъ, какъ бѣлка, увидавши насъ, быстро скрылась на дерево. Это дерево было — ель, да и еще къ тому же на вѣтвяхъ лежалъ навалъ снѣга, — бѣлка стала совсѣмъ не видна.

— Ну—времени тратить нечего,—надо ее скорѣй спустить... Принимайтесь.

Я взялъ топоръ, подошелъ къ дереву и началъ стучать по нему изо всей силы. *Злобный* продолжалъ заливаться, а Якушь уже держалъ винтовку на готовѣ. Звѣрекъ пошевелился и въ тоже самое мгновеніе раздался выстрѣлъ... Какъ снопь—упала къ моимъ ногамъ бѣлка—выронивъ и кедровую шишку изъ своихъ мохнатыхъ лапокъ.

— Ну и на томъ спасибо, что не помучила, сказала Якушь, подбирая бѣлку.

— А бываетъ?

— Не рѣдко... Вотъ можете увидите.

— И долго?

— Когда какъ. Иногда она верстъ съ 6, 7 тебя гонить... легкая: ей только вѣтку, она ухватится,—и глядишь—опять на деревъ; и такъ-то вотъ гоняешься за ней...

— То значить, Якушь, ходокъ — бѣлка, а эта — сѣдунъ,—сказалъ я, желая показать, что и я кое-что понимаю въ дѣлѣ.

— Да, ходокъ..., только вы думаете—что? разныя бѣлки, думаете?

— А то какъ же?

— Нѣту, — одна же урка; а все въ погодѣ дѣло. Въ морозный денежь—она легка, жива — и гоняется, бѣгаетъ: вотъ тебѣ и ходокъ; а сырая, теплая погода—она мокрѣетъ, хвостъ-то ее такъ не поддерживаетъ,—вотъ она и сидитъ...

А вотъ и эта, къ примѣру, что сейчасъ убишь, — развѣ она не помучила бы? только прозѣвай!

А ужъ *Злобный* былъ далеко — и опять лаялъ, стоя у дерева и поднявши кверху свою морду. Ловкій Якушъ и вторую бѣлку — подстрѣлилъ, въ тотъ самый мигъ, какъ она хотѣла скакнуть. Начало охоты было удачно. Удачна была и вся охота, — и только двѣ бѣлки помучили насъ немного. Одна изъ нихъ спряталась въ дупло, — и только топоръ, да дымъ выжилъ ее. А другая такъ откинула штуку еще лучше. Она прибѣгла къ такой хитрости. Завидя Якуша (а я не надолго отлучился отъ него, чтобы одному найти урку), она спряталась за стволъ дерева съ противоположной стороны, такъ что сколько Якушъ ни ходилъ кругомъ дерева, она все продолжала вертѣться и пряталась за стволомъ. Но Якушъ перехитрилъ урку. Онъ снялъ съ себя тулупъ, повѣсилъ на воткнутую палку, надѣлъ сверху шапку и притаился на минуту. Потомъ вдругъ пугнулъ бѣлку: та бросилась, ошиблась, принявъ чучелу за Якуша, — и попала подъ его пулю.

— И много вы перебьете урокъ за лѣсованье? спросилъ я Якуша на возвратномъ пути въ пывзанъ.

— И такъ много, что ино ее и встрѣтить рѣдко можно.

— А на слѣдующій годъ опять есть?

— Коли есть пища — шишки, — опять много. Урка — страсть какъ быстро размножается. Она приноситъ дѣтей 4 раза въ годъ, а первые — къ концу года тоже ужъ приносятъ; такъ что случается — въ одинъ годъ урка выходитъ сама сороковая.

Уже темнѣло, когда мы подходили къ пывзану. Настрѣленныхъ бѣлокъ Якушъ навѣшивалъ на поясъ, такъ что онѣ составили очень красивую кисть около его талии.

Въ пывзанѣ свѣтился огонекъ — и легкій дымъ шелъ въ отверстіе... Мы застали уже всѣхъ, кромѣ Кузя, сидящими полукругомъ около печки и снимающими шкурки съ

бѣлогъ. Собаки умильно посматривали, дожидаясь подачи за свои дневные труды.

— А Кузь не пришелъ?

— Нѣту... видно съ лисицей возится.

А въ эту самую минуту заскрипѣли двери и вошелъ въ баню Кузь. Онъ былъ также обвѣшанъ бѣлками.

— Какъ охота? спросилъ онъ товарищей.

— Слава Богу, — а твоя?

— Ничего, есть немного.

— А лиса что? полюбопытствовалъ я.

— Да ничего... слѣдилъ.

— А еще не поймалъ?

— Ишь вы... развѣ такъ мясомъ ловятъ?

— А какъ же? Я вѣдь, Кузь, не знаю.

— На все время надо... Я ей набросалъ сегодня мяса хорошаго, ну она и съѣсть. А завтра вотъ съ сулемой набросаю, — она и это съѣсть.

— И умретъ?

— Еще бы! Сулема все внутренности разѣстъ...

Однообразно одинъ день за другимъ тянулся въ охотѣ. Бились бѣлки, поймано нѣсколько соболей, лисица попалась Кузю... Все дни проводились въ лѣсу, — и только поздно вечерами все собирались въ пивзань. Все раздѣвались, снимали мокрую одежду — и оставались до утра въ одномъ нижнемъ бѣльѣ. Разводился огонь и приготавлился ужинъ: щи изъ рябчиковъ, каша, хлѣбъ поджаренный въ маслѣ. После ужина — все принимались за сдираніе шкурокъ. Я одинъ только ничего не дѣлалъ, — потому что шкурки снимать надо умѣние, а то можно испортить, — и меня уже начинала томить скука... Часовъ въ 12 — все мы уже спали, — а рано утромъ, около 6 часовъ, — были опять на ногахъ, чтобы идти съ виитовкою въ лѣсъ.

Но вотъ наступилъ ноябрь, прошло начало его — и такъ около 8-го, 10-го числа — винтовки получили отставку... Строго-то говоря — онѣ брались еще, но уже не для бѣлокъ, — а этихъ послѣднихъ стали ловить капканами. Такая перемена въ охотѣ на урку произошла вслѣдствіе глубоко выпавшаго снѣга. Пришлось оставить собаку, надѣть лыжи и винтовку замѣнить капканомъ. Эти капканы разставлялись на очень большое пространство — верстъ на 15, 20, и 25. Въ каждый капканъ клалась приманка. Для этой послѣдней — служили красножелтые грибки, растущіе въ изобиліи на мхахъ. Зимой ихъ, разумѣется, нѣтъ, и охотники за время запасаются ими. Бѣлка охотно и жадно ѣсть грибки, но только свѣжія. Для того же, чтобы грибки не портились, зыряне ихъ часто промываютъ.

Цѣлый день приходилось всѣмъ (я ходилъ, но рѣдко, во первыхъ — потому, что плохо умѣлъ ходить на лыжахъ, а во вторыхъ — я начиналъ чувствовать себя немного нездоровымъ) пробывать въ лѣсу; по нѣскольку верстъ въ день исхаживали охотники — и болѣе 300 ловушекъ осматривали въ день. Возвращаясь вечеромъ въ пывзанъ — готовили новыя ловушки, — и ставили ихъ на другой день, мѣняя тѣ, что уже были поставлены.

Такъ шло время — и мало по малу приближалось къ декабрю, а слѣдовательно и къ концу перваго лѣсованья. Я съ нетерпѣніемъ ждалъ этого конца: съ одной стороны, начинала все сильнѣе и сильнѣе давить скука, съ другой — я чувствовалъ, что мнѣ не совсѣмъ хорошо. А тутъ, какъ нарочно, и еще несчастный случай: Меркулъ встрѣтился какъ-то въ лѣсу съ медвѣдемъ — и не совладалъ съ нимъ: «черная немочь» — задрала зырянина, убившаго на своемъ вѣку 14 медвѣдей! Грустно и тяжело подѣйствовала на всѣхъ гибель товарища... Не доставало кого-то среди насъ — и невольно каждый вечеръ, собираясь у огня, мы вспоминали старика...

IX.

На обратномъ пути. Приѣздъ домой.

Пришелъ и конецъ лѣсованью: подходилъ декабрь—время, когда приѣзжаютъ въ деревни скупщики «звѣря и птицы»,— надо было отправляться домой. Къ тому же, и харчей «подобралось» довольно, такъ что жить дольше—значило обречь себя на голодный обратный путь. Собравшись однажды послѣ охоты въ пывзанъ, приступили къ окончательному рѣшенію—когда выступать. Посмотрѣли еще разъ провизію, разочли (приблизительно, разумѣется) разстояние—и единогласно постановили: выступить черезъ два дня, утромъ. На другой же день, часовъ въ 5, — когда отправились въ послѣдній разъ на охоту, — Якушъ побѣжалъ на лыжахъ въ сосѣдній пывзанъ сообщить товарищамъ о скоромъ выступленіи въ дорогу. Это ужъ таковъ обычай охотниковъ. Предъ отправленіемъ обратно домой, они обходятъ пывзаны и оповѣщаютъ другихъ промышленниковъ о своемъ намѣреніи возвратиться домой.

Въ тотъ же день Якушъ вернулся обратно и сказалъ, что изъ сосѣдняго пывзана выступаютъ завтра—и что, значитъ, они придутъ въ нашъ пывзанъ какъ разъ къ сроку—выхода.

— Ну и ладно,—произнесъ Кузь,—разводя огонь въ каменкѣ.—Въ послѣдній разъ сегодня будемъ бѣлокъ чистить, прибавилъ онъ,—и, какъ мнѣ показалось, произнесъ это не безъ грусти.

— А Меркулъ бѣдный не дожилъ... не увидитъ и дому! вздохнулъ Якушъ.

— Господня воля... всё подь Богомъ ходимъ,—отозвался Пэдэръ, и не могъ удержаться, чтобы не прибавить: ишь—черная немочь, чтобы тебѣ было пусто!

Весь слѣдующій день прошелъ въ сборахъ и приготовле-

ніяхъ къ отъѣзду. Угладывалась добыча на нарты, убирались разныя охотничьи принадлежности.

— А что, Александръ Павлычъ, наскучило тебѣ? разсмѣялся Кузь.

— Пожалуй... я вѣдь, Кузь, все безъ дѣла почти, а это хуже всего.

— Что говорить!... это — вѣстимо такъ... Да ты еще крѣпокъ, — я и того не ждалъ.

— А что?

— Да помнишь—говорилъ я отцу: барчукъ-то разъ ходилъ съ нами—тотъ убѣгъ, не выдержалъ; а ты еще ничего — крѣпокъ...

— А все же, чай, на зимнее лѣсованье не пойдешь? спросилъ Якушь.

— Да, не пойду... но не потому, что мнѣ дѣлать будетъ нечего, — а и времени нѣтъ, надо на мѣсто ѣхать.

— А жаль,—охота на оленя — куда веселѣй, куда занятнѣй!

— Что дѣлать; а вы ихъ какъ бьете?

— Оленей-то? Охота на нихъ—гоньбой бываетъ, родной...

— Гоньбой?

— Гоньбой, повторилъ Якушь.

Олень — семейное животное. Онъ не ходитъ одинъ, но постоянно парой (съ самкой), а если есть дѣти, то вмѣстѣ и съ ними. Нерѣдко нѣсколько семействъ соединяются вмѣстѣ. Однимъ изъ отличительныхъ свойствъ этихъ животныхъ можно назвать ихъ привычку ходить по тропамъ, по однѣмъ и тѣмъ же проложеннымъ тропамъ. По какой тропѣ ходили олени лѣтомъ, по той же ходятъ и осенью, такъ что снѣгъ, падающій предъ наступленіемъ зимы, постоянно утаптывается ими; — и проложенная тропа остается наконецъ единственнымъ путемъ среди рыхлой глубины снѣговъ, гдѣ для оленя нѣтъ ни входа, ни выхода. Я опишу охоту на оленей гоньбой—такъ, какъ рассказалъ мнѣ это Якушь.

— За оленемъ ходить весело,—говорилъ Ягушъ,—весело, но ужъ за то и порядкомъ достается ногамъ: вернешся въ пывзанъ и радъ отдыху опречь болѣ свѣтлаго праздника. А охотятся во какъ: человекъ эдакъ 10, 12—на лыжахъ встають у тропы. И встають одинъ отъ другого *на разстоянїи голоса* (т. е. такъ, чтобы былъ слышенъ откликъ). Стоять — и ждутъ оленя. Идутъ олешки. Первый охотникъ пропускаетъ ихъ — и сейчасъ становится на тропу, крича всѣмъ прочимъ, чтобы тѣ тоже вставали на тропу. Олень пугается и бѣжитъ въ сторону. Ну, а тамъ снѣгъ, онъ не держитъ оленя; звѣрь проваливается — и бьется грудью и ногами въ снѣгу. Но кое-какъ все жъ бѣжитъ; за первымъ оленемъ и отсталые бѣгутъ. Но бѣжать по снѣгу трудно, и скоро передовой олень выбивается изъ силы. Онъ устаеть, а второй дѣлается передовымъ — и кладетъ тропу. Устаеть второй — тогда на мѣсто его третїй. Олени устають, томятся, а охотники не даютъ имъ вздоху: они несутся на лыжахъ и гонять оленей. Въ одеждѣ охотникамъ тяжело, — они сбрасываютъ все до рубашки — и на легкѣ гонять звѣря. Задніе охотники подбирають одежду и слѣдуютъ за товарищами. Ну, а звѣрь все бѣжитъ, только ужъ онъ истомляется, бѣжитъ тише, каждый скачекъ слабѣе, — наконецъ онъ бѣжитъ очень тихо, нѣсколько охотниковъ успѣвають обѣжать его — и стрѣляютъ въ него изъ виштовокъ. Передовой падаетъ, а другіе бѣгутъ, но недолго: падаетъ еще олень, и еще, и еще... всѣ приходятъ въ смятенье, не дышутъ отъ усталости — и едва передвигаютъ ноги — Тутъ-то и начинается стрѣльба. Мѣтко бьютъ охотники — и олени одинъ за другимъ валяются на снѣгъ, обливая его теплою, красною кровью.

— И долго такъ охотятся?

— Такъ — до благовѣщенья. И чѣмъ дальше, ближе къ веснѣ, тѣмъ гоньба удачнѣе. Настъ дѣлается твердымъ, — и за оленемъ ходить еще легче: кора снѣга леденѣетъ, —

задерживаетъ выдергиванье ногъ, рѣжетъ ихъ грудь — и до крови измучиваетъ звѣря.

Перебивъ стадо оленей — половина охотниковъ возвращается въ пывзанъ, гдѣ и разводится огонь въ каменгѣ и готовится ужинъ. Другая половина возится съ добычей: говядину рѣжутъ на куски, обдираютъ и свертываютъ шкуры — и, уложивъ все на нарты, увозятъ въ пывзанъ. Раньше прибывшіе охотники не гасятъ огня, и вторая половина промышленниковъ, сваливъ всю добычу, принимается за приготовленіе себѣ ужина. Послѣ каждой такой охоты на оленей — зыряне отдыхаютъ дня 3 или 4.

Рано утромъ — выступили мы въ путь. Съ нами соединились еще два пывзана — и мы тронулись большою толпой. Впереди всѣхъ отправился Пэдэръ на лыжахъ и налегкѣ. Онъ влалъ тропу, пробивалъ «цѣликъ» — и ужъ по его лыжницѣ (слѣду — проложенному лыжами) слѣдовали мы (я, Кузь, Якушъ) съ ношами; задніе везли нарты съ добычей, а собаки замыкали это шествіе... Описывать путешествіе едва ли нужно, потому что ничего особеннаго въ пути не было. Мы шли цѣлый день, — а на ночь останавливались для отдыха. При-этомъ часто, за отсутствіемъ лѣсныхъ избушекъ, мы ночевали подъ открытымъ небомъ. Мы устраивали наскоро шалашъ изъ еловыхъ вѣтвей въ двѣ загородки, располагая такъ, чтобы переднія, открытыя стороны — обращены были одна къ другой; между загородками разводился огонь. При-этомъ снѣгъ въ загородкахъ плотно утаптывали и на толсто устилали хвойными вѣтвями... Устроивъ такимъ образомъ, мы готовили ужинъ, послѣ котораго и ложились спать, покрывшись тулупами. А шалашъ ночью мы нагрѣвали слѣдующимъ образомъ: брали два сухихъ бревна и въ каждомъ изъ нихъ во всю длину вырубали по жолобу. Одно бревно вляли на снѣгъ, вверхъ жолобомъ, и наполняли его горячими угольями; потомъ вляли другое бревно — жолобомъ внизъ, такъ что уголья — между жолобами находились словно

въ трубѣ. Въ этомъ положеніи оба бревна удерживались сырыми тычками, вбитыми по конусамъ бревна глубоко въ снѣгъ. Огонь отъ угольевъ сообщался обоимъ бревнамъ, но отъ недостатка воздуха не вспыхивалъ пламенемъ. Теплый дымъ вылеталъ изъ обоихъ концовъ трубы — и кружился надъ нами; этотъ дымъ распространялъ такую теплоту въ шалашѣ, что мы не чувствовали холода въ теченіе всего сна.

Дня за два до прихода въ деревню — разыгрался «*снолохъ*» — сѣверное сіяніе.

Наканунѣ была сильная мятель... Къ вечеру этого дня — мятель и вьюга стихли; подулъ сѣверный вѣтеръ, — морозъ усилился, небо очистилось отъ облаковъ, сдѣлалось ясно, какъ лѣтнее безоблачное небо. Мириады звѣздъ блистали на немъ, полная луна освѣщала землю; ночь была свѣтла, какъ день. Термометръ, бывшій со мною показывалъ 29°. Морозъ стучалъ своей невидимой рукой по деревьямъ — и ударъ за ударомъ разносился въ воздухѣ. Снѣгъ хрустѣлъ подъ нашими ногами — и эхо далеко вторило наши шаги. Въ 10 часовъ вечера, прямо на сѣверномъ склонѣ горизонта образовалось шаровидное пространство блѣдно-бѣловатаго цвѣта. Оно то колебалось, трепетало, вспыхивало и погасало, то расширялось, умалялось, исчезало — и опять появлялось; во всѣхъ этихъ измѣненіяхъ оно было невыразимо чудно — и вмѣстѣ такъ быстро, мгновенно, что глаза едва успѣвали слѣдить за его бѣглыми движеніями.

Немного спустя, отъ этой колыхавшейся массы блѣдно-вато-бѣлаго пространства — разостлались по голубому небу, въ видѣ широкихъ лентъ, бѣлыя, свѣтящіяся полосы, также колыхавшіяся, которыя, видимо пересѣкая другъ друга, вмигъ исчезали и показывались опять — то болѣе на сѣверномъ, то на восточномъ склонѣ горизонта. Небо, освѣщенное луною, будто растворялось при-этомъ — и разсыпало въ разныя стороны миллиарды искръ. Въ 12 часовъ сіяніе повторилось на всемъ протяженіи горизонта: бѣлыя полосы свѣта,

быстро разстилаясь по небу, обгоняли одна другую, пересѣкались, сливались, исчезали и опять являлись. Привыкшіе къ сіяніямъ зыряне—не выразили ни страха, ни удивленія. «Сполохъ играетъ»—сказали они только.

Около семи часовъ вечера, 14 декабря, мы прибыли въ Възябожь. Народъ толпой вывалилъ къ намъ навстрѣчу—и первымъ словомъ было:—все-ли счастливо?

— Меркула немочь забрала, глухо отвѣтилъ Содьякъ....

Чей-то плачь нарушилъ наступившую было тишину. То старуха—плакала о своемъ мужѣ.

— А охота? продолжались вопросы.

— Добытлива... пріѣхали скупщики?

— Другой день ждуть ужь...

Пошли праздники, пиры у зырянъ. Послѣ трудовъ и продолжительной борьбы—они хотѣли и отдохнуть и погулять,—словомъ спраздновать добычу. Началось хожденіе въ бани, паренье и выпиваніе безчисленнаго числа браги. Истина старая, что духъ народа, его характеръ, привычки и т. д.—хорошо высказываются въ праздникахъ и играхъ... И дѣйствительно, зная зырянъ съ одной только стороны, какъ трудовыхъ-охотниковъ,—я зналъ ихъ на половину. Во время празднествъ и пировъ я короче познакомился съ ними...

Не мало изводилось браги, и водка дѣлала свое дѣло: зыряне перемѣнились. Оказалось, что пьяные—они очень склонны къ дракамъ. Мнѣ пришлось видѣть, какъ два закадычные друга, обнимаясь, цѣлуясь, выходили изъ керки (избы). Они нѣжно разсказывали о томъ и о семь,—и увѣряли другъ друга, что готовы идти одинъ за другого въ огонь и воду. Вдругъ, чрезъ минуту, одинъ вспомнилъ, что собака другого на охотѣ съѣла его рябчика. Начался споръ... споръ перешелъ въ брань,—и не прошло двухъ—трехъ минутъ,—какъ друзья учинили превосходную драку. Она продолжалась до тѣхъ поръ, пока не свалился одинъ на снѣгъ.

Тогда побѣдитель поднялъ упавшаго, — начались снова сбѣ-
гтя, — и оба отправились въ избу — мириться за яндо-
вой пива.

Эти празднества, пиры — страшно надоѣли мнѣ, — и я по-
спѣшилъ скорѣе оставить Възябожь; къ тому же и болѣзнь
моя — что-то въ родѣ ревматизма — требовала скорѣйшаго ле-
ченія. Какъ ни упрашивалъ Пэтырь — погостить, попировать
на свадьбѣ Кузя, я остался при своемъ намѣреніи — и 23
декабря выѣхалъ въ У — т. Въ этотъ же день — выѣхали и
скушциги, нагрузивши возы бѣлками и рябчиками. Здѣсь къ
слову замѣтить, что всѣ деньги между членами одного пив-
зана — дѣлятся по ровну: этотъ обычай уравниваетъ новичка
съ ловкимъ охотникомъ, и вся невыгода первого только въ
томъ, что онъ болѣе извелъ пороку и свинца.

Живя уже въ У — ѣ и отлучаясь нерѣдко въ деревни —
я не разъ присутствовалъ на свадьбахъ, и нѣсколькими сло-
вами о свадебныхъ обычаяхъ я заключу свой очеркъ.

У зырянъ еще до сихъ поръ сильна власть родителей
въ брачныхъ дѣлахъ. Молодецъ, которому понравилась ка-
кая нибудь дѣвушка, шлетъ сваху къ ея родителямъ. Тѣ
выслушиваютъ рѣчь свахи и требуютъ три дня для «думы». 1)
Въ это время они разузнають о женихѣ — и если согласны
отдать за него дочь, то шлютъ за свахой и даютъ свое
слово ¹⁾. Все время сговора женихъ не видитъ невѣсты. Въ
церковь она является закрытая фатой. Въ эту фату завер-
тывается ломоть, отрѣзанный отъ свадебнаго каравайя. Когда
невѣсту везутъ къ вѣнцу, — она, кивая головой и хлопая
руками по колѣнямъ, поетъ жалобно:

¹⁾ Прежде, лѣтъ 50 тому назадъ, существовалъ такой обычай. На игри-
щѣ молодой человекъ отнималъ платокъ у той дѣвушки, которая ему нра-
вилась. Если она въ теченіе 3-хъ дней не просила платка обратно, то этимъ
изъявляла свое согласіе. Этотъ обычай исчезаетъ и во многихъ мѣстахъ со
всѣмъ исчезъ.

Спась и Пречистая, благословите!
Боже, благослови —
Полною житницей!
Отецъ, благослови
Полной набирушкой хлѣба!
Небо, благослови
Зеленою травою!
Вода, благослови
Рыбою живою!
Лѣса, благословите
Птицею лѣсною!

Помолчавъ десять минутъ, продолжаетъ:

По божью я сидѣла
На чистомъ полѣ;
По людскому сидѣла
На зеленомъ мѣстѣ;
Подъ ногами, какъ сидѣла,
Помость былъ...
Большимъ камнемъ сидѣла —
Не двигаясь;
Смолянымъ пнемъ сидѣла —
Не отрываясь;
Охъ не хотѣла бъ я вѣкъ
Отрыватися!
Желѣзный ломъ меня
Не выворотилъ бы!..
Человѣкъ — отцовскій сынъ
На домъ пришелъ:
Его мягкій языкъ
Приподнялъ меня!

Когда поѣздъ приближается къ самой церкви, — невѣста поетъ опять, и еще жалообнѣ:

Я подь омутомъ сижу,
Держусь крѣпко;
Я какъ ель сижу —
Почерѣвши;
Какъ береза сижу —
Побѣлѣвши;
Какъ осина сижу —
Пожелтѣвши;
Какъ сосна сижу —
Растрепавъ вѣтви.
Ой, въ сегодняшній день
Дерево согнулось,

А согнувшись — оно
Затрещало, —
Затрещало — сломилось:
Ой, въ сегодняшний день
Воля дѣвичья пропала,
Красно солнышко —
Воля дѣвушки!

По окончаніи церковнаго обряда—бываетъ столъ на дому у невѣсты, но молодые не могутъ участвовать въ немъ—и ограничиваются однимъ подчиваніемъ гостей.

Плачь зырянки о дѣвичьей волѣ имѣетъ глубокое основаніе. Женщина не пользуется особеннымъ уваженіемъ у зырянъ: жена—раба мужа. Каждое приказаніе его для нея—законъ. Впрочемъ здѣсь, какъ и у нашихъ крестьянъ, молодежь начинаетъ измѣнять взгляды на женщину—и, вѣроятно, въ близкомъ будущемъ доля зырянки—будетъ свѣтлѣе. Въ глухихъ деревняхъ зырянскаго края каждый годъ открываются школы—и когда просвѣщеніе озаритъ народъ, смягчитъ его нравы, уничтожитъ суевѣрія и многія дурныя качества, то зырянскій народъ будетъ полезнѣйшимъ и лучшимъ членомъ русской семьи.

А. Кругловъ.